

Использование греческого огня

Миниатюра Мадридского списка Хроники Иоанна Скилицы

ЛЕКЦИЯ 31

А. Н. Домановский

ОГНЕННЫЙ ПОКРОВ ЕВРОПЫ: ВИЗАНТИЯ НА ПУТИ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ VII–VIII вв.

Полночный пламени язык над мостовой –
Огнём рождённый императорский огонь –
В нём сталь горит и шторм его не гасит,
В крови, что духов ярости явит
И многотрудность гнева их окрасит,
Что умирает в танце,
В агонии и трансе
Огня, что рукава не опалит.

*Уильям Батлер Йейтс. Византия
(перевод А. Н. Домановского)*

Западная цивилизация находится в неизмеримом долгу перед презренным городом на Босфоре. Более чем тысячу лет его столица представляла собой великий восточный бастион, защищающий юную беспокойную Европу, и раз за разом претенденты на завоевание мира разбивались о его стены. Не будь Византии, мусульманские армии захлестнули бы Европу в VII веке, и, как замечает Гиббон, намаз слышался бы теперь над спящими шпилями Оксфорда.

Ларс Браунворт.

Забытая Византия, которая спасла Запад

Каждый европеец знает, что стоит в истории Европы за датой 732 г. и названием города Пуатье. 10 октября того далекого года возле городка с этим именем состоялась одна из крупнейших битв раннего средневековья, в которой войско франков под предводительством майордома Австразии Карла Мартелла разбило арабскую армию во главе с генерал-губернатором аль-Андалусии Абдур-Рахманом ибн Абдаллахом. Победа

франков, по мнению многих историков, остановила вторжение арабов и спасла христианскую Западную Европу от покорения миром ислама. Им возражают исследователи, полагающие, что битва не имела столь судьбоносного для Европы значения, поскольку любой ее исход не смог бы принципиально изменить ход истории. К тому моменту волна арабских завоеваний, пройдя тысячи километров от Аравийского полуострова по североафриканскому побережью Средиземного моря до полуострова Иберийского, в любом случае уже выдыхалась и шла на спад. Однако и те, и другие ученые, а вслед за ними и просвещенные читатели, забывают о том, что стало причиной большого похода арабов по средиземноморскому побережью Северной Африки на запад, почему они не вошли в Европу гораздо более удобным и кратким путем – из Малой Азии на Балканы. Тем временем ответ очевиден – стойкой плотиной, принявшей на себя первый сокрушительный удар и сдержавшей мощный напор волны арабских завоеваний стала Византийская империя.

Контакты Византии с арабами, принимавшие то мирную, то военную формы, осуществлялись с момента возникновения империи. С древних времен арабы заселяли Аравийский полуостров, который они сами называли «Джазират-ал-араб» («Остров арабов»). В IV–VI вв. по своему социально-экономическому развитию они значительно уступали обществу Ромейской империи и сами признавали полное культурное превосходство византийцев. Ромеи, в свою очередь, относились к арабам как к полудиким варварам. Действительно, у арабских племен Центральной и Северной Аравии долгое время сохранялись первобытнообщинные отношения и кочевое хозяйство – разведение овец, лошадей и крупного рогатого скота. Кочевники-бедуины (буквально – «пустынники») передвигались на верблюдах по пустынным пространствам Аравии, изрезанным иссохшими руслами древних рек – вади. В оазисах Центральной Аравии и на юге полуострова развивалось земледелие, важную роль в приморских областях Йемена, Хадрамаута и особенно «ворот Китая» Омана играла транзитная торговля. Путь полученных морским путем восточных товаров продолжался затем по суше вдоль западного побережья Аравийского полуострова – через страну Хиджаз, ставшую родиной ислама.

С древних времен часть арабов жила за пределами собственно Аравии, к началу нашей эры они заселили Синайский полуостров, юг Палестины и Месопотамии. В плане государственного развития они существенно опережали племена пустынной области Неджа – центральной части Аравийского полуострова. Так, нижнее течение Евфрата было занято арабским княжеством Лахмидов со столицей в городе Хира, распространявшим свое влияние на северную часть Аравии. Лахмиды находились в вассальной за-

висимости от шахиншахов Сасанидского Ирана и выполняли роль буферного государства между Персией и воинственными центральноаравийскими кочевыми племенами, с одной стороны, и византийскими владениями, с другой.

Еще одно арабское государство – Гассанидов – располагалось регионе Южной Палестины, Сирии и Заиордания – к юго-востоку от Дамаска, от Евфрата до Акабского залива Красного моря. Их столицей был город Джабия, находившийся в 80 км к югу от Дамаска. Гассанидские царьки признавали себя вассалами византийских императоров, принимали христианство и, вместе с ним, многие элементы духовной и материальной ромейской культуры. Византийцы использовали Гассанидов для борьбы с Персией и активно применяли по отношению к ним хорошо отработанные механизмы изощренной дипломатии.

Впрочем, к концу VI – началу VII вв. и византийцы, и персы начали тяготиться растущей самостоятельностью подвластных им буферных арабских государств. В 582 г. ромеи ликвидировали государство Гассанидов, а в 602 г. персы уничтожили княжество Лахмидов, поскольку местный правитель ан-Нуман начал, по их мнению, проявлять излишнюю самостоятельность. Это стало возможным благодаря внутренней слабости обоих политических образований, являвшихся, по сути, рыхлыми племенными объединениями. После ликвидации арабских княжеств племенные вожди-шейхи все так же продолжали использоваться ромеями в качестве филархов-союзников при защите государственных границ империи. Влияние Византии доходило вплоть до расположенного на северо-западе Аравии города Табука.

Кардинальное изменение политической ситуации на византийско-ирано-арабском пограничье, характеризовавшемся крайней зыбкостью и подвижностью условных рубежей, связано с возникновением и укреплением на Аравийском полуострове ислама. С проповедью этого нового вероучения, вобравшего в себя элементы иудаизма, христианства и ханифизма – арабского единобожия, противопоставлявшего себя рапространенным среди арабов языческим верованиям – выступил Мухаммед из рода Хашим племени Курейш. Он был жителем города Мекки – крупного торгового центра области Хиджаз на караванном пути вдоль западного побережья Аравийского полуострова. Мекка была также важнейшим религиозным центром арабов, так как именно здесь располагалось общеарабское святилище Кааба (буквально «Куб»). В нем находились многочисленные истуканы племенных богов всех племен полуострова и главная общечтимая святыня – так называемый «Черный камень», аэролит (метеоритного происхождения), вмонтированный в стену храма. Согласно арабским преданиям, Каабу построил Авраам (по-арабски Ибрахим), когда посещал сво-

его сына Исмаила – родоначальника арабов. А «Черный камень» является на самом деле белым яхонтом из рая, который был дарован Богом Адаму, но затем почернел от людских грехов.

Помимо Каабы с идолами и «Черным камнем», в Мекке и ее окрестностях было множество других значимых святынь, таких, как долина Арафат, в которой встретились Адам и Ева, разлученные в течение ста лет, два холма с идолами на вершинах, долина Мина или колодец Замзам со священной водой. Не удивительно, что Мекка была важным центром паломничества десятков тысяч арабов-язычников, стремившихся увидеть и облобызать «Черный камень» и принести жертву племенному божеству. Лучшего места для проповеди нового религиозного учения на Аравийском полуострове не было, и именно в Мекке в 610 г. Мухаммед начал проповедовать ислам, что означает по-арабски «предание (себя) Аллаху». Аллах (в переводе с арабского «Бог») мыслился как единый и единственный истинный Бог, и Мухаммед, считавший себя пророком, жестко требовал от своих последователей соблюдения постулата единобожия и отказа от поклонения идолам («не придавать Аллаху сотоварищей»). «Шахад» «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его» стал обязательным свидетельством истинной веры, а ее приверженцы («предавшие (вручившие) себя Аллаху») стали называться мусульманами.

Поначалу новое вероучение было воспринято неоднозначно, среди его противников оказались жрецы Каабы и курейшиты из богатого рода Омейядов. Пророку угрожала физическая расправа, и лишь переселение Мухаммеда из Мекки в находившийся в 350 км к северу от нее земледельческий оазис Ясриб спасло ему жизнь. Этот исход, получивший название хиджры (по-арабски «выселение», «эмиграция» в смысле разрыва связей со своим племенем и получения убежища у другого), произошел в июле-сентябре (за исходную дату берется 16 июля) 622 г. Эта дата была принята за начало мусульманской эры, а Ясриб получил наименование «Мадина ан-наби» («Город Пророка») или ал-Мадина (Медина).

Постепенно проповедуемое Мухаммедом вероучение объединило большинство арабских племен, и к моменту смерти пророка в 632 г. Аравийский полуостров практически полностью пребывал уже под властью ислама. Несмотря на то, что воинственные племена все еще отпадали от мусульманства, возвращаясь к привычному многобожию, новая религия укреплялась, а ее адепты стремились к ее распространению в близлежащие регионы и покорению соседних территорий. Рано или поздно это должно было привести к столкновению с Византийской империей.

Государством ромеев в то время правил император Ираклий (610–641 гг.), взойшедший на престол в год, когда Мухаммед начал свою проповедь

ислама в Мекке. Этот василевс был умелым управленцем и талантливым военачальником, первым за многие десятилетия правителем-полководцем со времен Феодосия I Великого (379–395 гг.), лично командовавшим войсками на поле боя. Именно на долю Ираклия выпала величайшая победа над Сасанидским Ираном, давним соперником Византии на востоке. В начале его правления империя потерпела ряд тяжелых поражений от персов и потеряла не только Сирию и Палестину, но даже бывший главной житницей Константинополя Египет, окончательно павший к 618 г. Ираклий, однако, не собирался сдаваться. При поддержке константинопольского патриарха Сергия, позволившего использовать на нужды создававшейся василевсом армии богослужебную утварь храма Св. Софии, василевс создал новое войско. Хронист Феофан писал: «По недостатку в деньгах он (император Ираклий) занял из богатых домов, взял также из Великой церкви паникадила и другие церковные сосуды, перелили их в крупные и мелкие деньги».

Собранные средства позволили императору создать 120-тысячную хорошо обученную и снабженную профессиональную армию, которая одержала в ходе масштабного восточного похода 623–628 гг. ряд побед над персами. Даже подстерженная персами осада Константинополя полчищами авар и славян летом 626 г. не принесла желаемого результата – столица Византии выстояла и Ираклий не ушел с востока. В итоге в 628 г. разгромленные персы вынуждены были пойти на заключение унижительного для них мирного договора с византийцами, выплатить контрибуцию и вернуть империю Армении, Месопотамию, Сирию и Египет.

Могущество извечного врага Византийской империи – Сасанидского Ирана – было окончательно подорвано. Казалось, ничто уже не может грозить ромеям с востока, и для ромейского государства наконец пришло время великого «успокоения», позволяющее сосредоточиться на внутренних проблемах. Хронист Феофан, подытоживая шестилетнюю военную кампанию Ираклия, писал: «В шесть дней создавший всякое творение Бог назвал седьмой день днем успокоения. Равным образом Ираклий, в шесть лет завершивший великий подвиг, с миром и радостью возвратясь в седьмой год, успокоился». Однако спокойствие оказалось кратковременным и обманчивым, ведь, пока византийский василевс воевал с персами, арабы объединяли свои силы в глубинах Аравии, чтобы выплеснуться неудержимой волной на земли Палестины, Сирии и Месопотамии.

Первое столкновение византийцев с принявшими ислам арабами произошло на следующий год после окончания большой восточной кампании Ираклия. Летом 629 г. император прибыл в Сирию для наведения там порядка после персидской оккупации. В частности, планировалось вернуть

в Иерусалим Древо Креста. Возможно, получив известия о том, что происходит в Палестине и Сирии, и заинтересовавшись ими, Мухаммед отправил посла ал-Хариса-ибн-Умайра ал-Азди к арабскому правителю города Бусры (Бостры) в Заиорданье. Посол, однако, был задержан и убит местным гассанидским правителем Шурахбилем ибн-Амром, бывшим на службе у византийцев. В ответ на это Мухаммед собрал карательный трехтысячный отряд, поставив в его главе своего любимого приемного сына Зейда ибн-Харису, вместе с которым в поход отправились также двоюродный брат Мухаммеда Джафар ибн-Абу-Талиб, Абдаллах ибн-Раваха и Халид ибн-ал-Валид.

Зейд ибн-Хариса рассчитывал на внезапность вторжения, однако его войско неожиданно столкнулось с разведывательным отрядом Шурахбиля ибн-Амра в районе Вади-л-Кура и вынуждено было дать стремительный бой. Разведчики были смяты, в краткой стычке погиб брат Шурахбиля, однако вести о приближении неприятеля быстро распространились и дали возможность подготовиться к обороне. Византийцы восприняли вторжение как грабительский разбойничий набег и действовали соответственно – навстречу Зейду ибн-Харисе выступило объединенное византийско-арабское войско под командованием наместника императора викария Феодора и вождя гассанидов Шурахбиля ибн-Амра.

Вражеские войска втретились при Муте к востоку от Мертвого моря. В течение двух дней Зейд ибн-Хариса выжидал и не решался вступить в сражение с многочисленным хорошо вооруженным противником, надеясь получить подкрепление из Медины. Однако в итоге Абдаллах ибн-Раваха убедил его напасть на противника и победить или погибнуть во славу Аллаха. В завязавшейся битве погиб Зейд ибн-Хариса и другие полководцы мусульманского войска.

Разгром мусульман в первом столкновении с византийцами был полным, и жители Медины встретили потерпевших поражение воинов как дезертиров – насмешками и комьями грязи. Только личное заступничество Мухаммеда, заявившего, что вернувшиеся побежденные воины «не беглецы, но люди стойкие», позволило несколько оградить их от издевательств и поношения.

Среди лета 630 г. сирийские купцы и набатеи донесли до Медины ложный слух о том, что император Ираклий собрал на границе громадное войско для вторжения в Аравию, привлекая на свою сторону арабов из племен лахм и гассан. Кто знает, какие последствия для мировой истории имело бы это вторжение, окажись оно правдой. Однако византийцы почивали на лаврах и не относились к происходившему на Аравийском полуострове серьезно. Вдохновленные и ослепленные недавней безоговорочной побе-

дой ромейского оружия над Сасанидским Ираном, они крайне недооценили опасность, грозившую империи со стороны Аравии. Считая вторжение трехтысячного отряда простым грабительским набегом и расценив победу при Муте достаточным сдерживающим фактором, ромеи решили прекратить выплачивать жалование арабам, состоявшим на имперской службе. Когда представители племени гассанидов явились к чиновнику-евнуху, ведавшему выдачей платы пограничным союзникам, тот не только отказался платить, заявив, что у императора едва хватает денег на выплаты своим солдатам, но еще и оскорбил гордых кочевников, обозвав их псами. В отместку ранее верные империи арабы стали переходить на сторону своих принявших ислам сородичей.

Мухаммед же, зная о многолетней успешной антиперсидской кампании Ираклия и вполне резонно полагая, что этот император способен организовать столь же широкомасштабное вторжение на Аравийский полуостров, отнесся к слухам серьезно. Возможно, их с целью устрашения специально распространяли сами ромеи, рассчитывая окончательно морально доконаить разбитых трусов-грабителей, однако, в таком случае, они явно недооценили пророка. Мухаммед решил нанести превентивный удар. Собрав крупное войско, он выступил в поход в самое жаркое время – в сентябре, «в тяжелую для людей пору, в сильную жару, когда земля засохла, когда зреют плоды и люди предпочитают быть среди плодов и в тени».

Несмотря на то, что многие увильнули и отказались от участия в походе, он все же состоялся и завершился победоносно, хоть и без битвы, поскольку слухи о подготовке Ираклия к походу на Медину и собранном им войске оказались ложными. Когда войско во главе с Мухаммедом подошло к табукскому оазису, жители Табука сдались и согласились выплачивать подушную подать – джизью.

Пророк стал лагерем в Табуке, откуда отправил военачальника Халида ибн-ал-Валида во главе отряда из 420 всадников на восток к оазису Думат ал-Джандал (ныне Эль-Джауф). Тамошний правитель киндит-христианин Укайдир, признавая зависимость от Византии, постоянно грабил караваны мусульманских торговцев. За это его следовало примерно наказать и либо уничтожить, либо заставить принять ислам. Укайдир был захвачен врасплох и был принужден сдаться, выплатив громадную дань – 2000 верблюдов, 800 рабов, по 400 кольчуг и копий. Пленный, он был доставлен к Мухаммеду, с которым заключил договор о переходе в ислам, обещая уступить 1/5 земель, а также выплачивать десятину с урожая фиников и благотворительный налог садаку (закат), составлявший 2 % со стад или 10 % с сельскохозяйственной продукции. За это Укайдир получал гарантию неприкосновенности оставшегося в его собственности имущества.

Опасаясь повторить судьбу Укайдира, жители ряда других селений севера Аравии согласились заключить договоры с Мухаммедом, для чего прибыли в Табук. Источники упоминают правителя Айлы (Эйлата) Иоанна ибн-Рубу, который, судя по всему, был епископом, а также представителей поселений Азрух, ал-Джарба и Макна. Условия договоров были различны. Жители Айлы, бывшие, вероятно, христианами, обязывались выплачивать по 1 динару в год со взрослого мужчины (суммарно 300 динаров). Население Азруха и Джарбы должно было платить 100 динаров в год, а Макна, жители которой исповедовали иудаизм, облагались налогом в четверть урожая, пряжи и улова. За это Мухаммед гарантировал покровительство Аллаха, безопасность и свободное отправление их культов.

Как видим, свобода сохранения традиционного вероисповедания при условии уплаты подушной подати склоняла население покориться воинам ислама. Это было важным результатом похода на Табук, поскольку сведения о возможности мирно и относительно выгодно договориться с мусульманами постепенно распространялись далее на север в византийские владения. В результате похода на Табук в руках сторонников Мухаммеда оказались также важные опорные пункты на подступах к Синаю, Южной Сирии и Южной Палестине. Под знамя пророка постепенно стекались бывшие союзники Византии, такие, как Тамим ад-Дари, посол от рода Бану-д-Дар племени Лакхм из Южной Палестины. Византия, по всей видимости, уже не казалась Мухаммеду непобедимым врагом, и после консолидации племен в пределах Аравии, он начал готовиться к походу на ромейские провинции.

Перед смертью Мухаммед объявил о будущем походе мусульманского воинства в Сирию, однако осуществить его при жизни уже не успел. 24 мая 632 г. пророк объявил о сборе ополчения во главе с Усамой ибн-Зейдом для вторжения в Заиорданье с целью отомстить жителям Муты за смерть Зейда ибн-Харисы и разорить приграничную территорию Византии. Возможно, решение было продиктовано ухудшением здоровья и предчувствием приближающейся смерти, перед которой Мухаммед хотел сквитаться с убийцами любимого приемного сына. И уж в любом случае вторжение должно было стать разведкой боем, которая проверила бы на прочность реальную оборону византийцев. Впрочем, 8 июня 632 г. в возрасте около 63 лет Мухаммед умер в Медине в разгар военных приготовлений, и реализовать план похода против Византии пришлось уже его последователям.

Не менее вероятно предположение, что отдавая приказ о пути будущего вторжения накануне смерти, пророк хотел показать стратегическое направление будущих завоеваний мусульман и выказать его как свою последнюю волю. Так было определено направление будущего наступления

мусульманского мира с Дар аль-ислам (территории ислама) на Дар аль-куфр (территорию неверия) или Дар аль-харб (территорию войны). Коран гласил: «Сражайтесь с теми, которые не уверовали в Аллаха и в последний день, и не считают запретным то, что запретил Аллах и его посланник, и не исповедуют религию истины, – с теми, кому дано было Писание, до тех пор, пока они не отдадут своими руками джизью, будучи униженными...».

Завоеванием византийских земель занялся первый праведный халиф – заместитель, наследник и восприемник-местоблюститель, идущий по стопам пророка – Абу Бакр. Однако ему не сразу удалось приступить к внешним завоеваниям – вначале пришлось подавить восстания племен Аравии, отрекшихся от ислама после смерти пророка. Да и византийцы не дремали – уже в 631 г. они возродили пограничное государство Гассанидов, поставив во главе Джабалу ибн-ал-Айхама. Видимо, разведка ромеев наконец-то смогла донести до правительства информацию о том, что из Аравии вскоре могут вторгнуться отнюдь не только малочисленные отряды грабителей, но и значительная, сплоченная и мотивированная новой верой армия.

К концу 633 г. Абу Бакру удалось справиться с антиисламскими восстаниями, и он начал готовиться к вторжению во владения Византии. Впрочем, ближайшее окружение халифа восприняло идею без особого воодушевления – империя оставалась в глазах арабов сильным и опасным противником. Ближайший сподвижник Мухаммада Абдаррахман ибн-Ауф пытался отговорить Абу Бакра от похода вглубь территории империи, ссылаясь на военную мощь византийцев. Он полагал, что вначале нужно расшатать оборону границы набегами небольших отрядов, а награбленные средства направить на подготовку крупного вторжения, для которого следует собрать войска со всей Аравии. Простые мусульмане и вовсе были против похода. Ал-Якуби писал: «...не ответил ему никто из-за страха похода на византийцев, так как знали их многочисленность и степень их храбрости».

В итоге после всех перипетий и пререканий мусульмане подчинились воле халифа и приступили к формированию войска. Первым в поход выступил отряд под командованием Язида ибн-Абу-Суфьяна. Согласно преданию, Абу Бакр, провожая его, долго шел у стремени его лошади, наставляя завоевателей быть милосердными: «Когда встретишь врага и Аллах даст тебе победу, то не злобствуй и не уродуй [тела врагов], не будь вероломным и не трусь. Не убивай ни ребенка, ни старого старика, ни женщину. Не сжигайте палм и не обдирайте с них кору, не срубайте плодовые деревья и не режьте скота больше, чем надо для еды. Вы будете проходить мимо людей в кельях, которые говорят, что они посвятили себя Аллаху,

оставляйте же в покое их и то, чему они себя посвятили». Три дня спустя вслед за первым отрядом выступил отряд под командованием Шурахбила ибн-Хасаны, а чуть позже – войско во главе с Абу Убайдой ибн-Джарраха.

Ни один из командующих арабским войском не имел серьезного боевого опыта, однако удача и общее состояние пограничья византийских провинций благоприспособляли их вторжению: недавняя война с Ираном ослабила империю, пограничные крепости пребывали в запустении, выплаты приграничным арабским племенам задерживались, и те, не желая сражаться бесплатно, принимали ислам.

Первое сражение произошло при Гамрат ал-Арабе, по всей видимости, в том месте, где большой караванный путь из Хиджаза в Газу пересекал вади ал-Араба. В битве Язида ибн-Абу-Суфьян разгромил ромейское войско и преследовал его остатки в направлении Газы. 4 февраля 634 г. у селения Дасин (Тадун или Датемон), находившегося в 12 милях от Газы, передовой отряд армии Язида под предводительством Абу-Умамы ал-Бахили сразился с ополчением под командованием дукса Палестины патрикия Сергия. Собранное наспех плохо обученное войско Сергия было преимущественно пешим, в авангарде его шел отряд самаритян. Оно насчитывало от трех (по свидетельству арабских авторов) до пяти (согласно данным византийских источников) тысяч воинов.

Устав после долго пешего перехода из Кесарии византийские ополченцы не выдержали стремительной атаки арабской конницы, ударившей по ним из засады, и были разгромлены. Передовой отряд самаритян был полностью истреблен, на поле боя осталось более 300 убитых византийцев, остальные были рассеяны и бежали. Сергей либо погиб в битве, либо был казнен мучительной казнью – живьем зашит в шкуру верблюда, быстро ссыхавшуюся на солнце и удушившую узника.

Существенно успешнее обстояли дела византийцев в Заиорданье. Здесь, после стычек с арабами восточнее Мертвого моря в местности между Зизой, Абилем и ал-Касталем, ромейский полководец армянского происхождения Ваан сумел заманить к северу и наголову разгромить отряд под предводительством Халида ибн-Саида. Победоносное для византийцев сражение произошло в районе Дасина в местности Мардж-ас-Суфар («Птичий луг») вскоре после поражения патрикия Сергия. Непривычные к холоду арабы, попав, к тому же, под холодный зимний дождь, вовсе оконечили и не смогли эффективно сражаться. Ваан умело использовал этот фактор в битве, и после разгрома на «Птичьем лугу» выгнал арабов за пределы Заиорданья. Тем самым он вынудил отступить и войска Язида ибн-Абу-Суфьяна, поскольку тот справедливо опасался, что ромейские войска зайдут к нему в тыл.

Впрочем, закрепить успех и сохранить за собой стратегическую инициативу после победы над Халидом ибн-Саидом византийцам не удалось. В Заиорданье в качестве главокомандующего ромейскими войсками был послан брат императора Ираклия куропалат Феодор, который оказывал мусульманам ожесточенное сопротивление, однако не получил достаточного количества войск для организации контрудара. Арабы же, напротив, направили к театру боевых действий в Заиорданье один за другим три отряда – вначале успешно показавшего себя в Южной Палестине Язида ибн-Абу-Суфьяна, а затем Шурахбия ибн-Хасаны и Абу Убайды ибн-Джарраха. Вскоре Абу Бакр и вовсе принял стратегически важное решение объединить все арабские войска под единым командованием талантливого военачальника Халида ибн-ал-Валида, получившего прозвание «Меч Аллаха» за свои заслуги в подавлении антимусульманских восстаний после смерти Мухаммеда.

После перехода по пустыне, Халид ибн-ал-Валид неожиданно появился под Дамаском и 24 апреля (либо, что менее вероятно, 12 июня) 634 г. разгромил в сражении при Мардж ар-Рахите союзных византийцам гассанидов. Объединив затем войска уже находившихся там мусульманских военачальников, Халид сразился с византийскими войсками под стенами Бусры (Бостры), разгромив их и заставив город капитулировать 30 мая 634 г. Вслед за этим он взял в осаду Дамаск.

Византийцы тем временем закончили в Эмесе (Химсе) формирование крупной армии под командованием брата Ираклия куропалата Феодора. Большая ее часть заняла позиции на левом притоке Иордане Ярмук, меньшая выдвинулась в Палестину против Амра ибн-ал-Аса. Группировкой на реке Ярмук командовал лично Феодор, палестинским авангардом – военачальник, именуемый в сирийской хронике 1234 г. Киклаосом (возможно, это искаженное имя Николай), а в арабских источниках – кубукларом (испорченное кувикуларий – спальничий) или калафатом (прозвание, связанное с профессией или происхождением – конопатчик). Если считать все сведения разных источников достоверными и высказанные предположения правдивыми, можно считать, что передовой отряд византийского войска возглавлял некий кувикуларий-спальничий Николай Калафат (Конопатчик).

30 июля 634 г. при Аджнадаине (Аджнадине) к юго-западу от Иерусалима отряд Киклаоса-Николая сошелся в битве с арабским войском под командованием то ли Амра ибн-ал-Аса, то ли самого Халида ибн-ал-Валида. Соотношение сил, видимо, было приблизительно равным, хотя источники упоминают цифру в 20 тысяч для арабского и 40 тысяч для византийского войска. Сражение начали ромеи, интенсивно обстреляв мусульман из лу-

ков, что позволило нанести противнику существенный урон, а затем атаковав по правому и левому флангу. Арабы выдержали атаку и перешли в контрнаступление, во время которого византийский военачальник был убит. Это и решило ход сражения – вместе с утратой командира ромеи лишились мужества и обратились в бегство. Мусульмане преследовали вражеское войско и перебили множество византийцев. По разным сведениям, в бою пало от 1700 до 3000 ромеев, а еще 800 пленённых арабы казнили.

Поражение византийцев при Аджнадаине еще не было полным разгромом основных сил ромеев – арабы разбили пусть многочисленный, но все же авангард, бывший, к тому же, хуже обученным и вооруженным, чем стоявшие на Ярмуке силы под командованием Феодора. Однако именно после этой битвы вся Южная Палестина фактически полностью перешла под контроль арабов. Победа также весьма воодушевила мусульман, наглядно засвидетельствовав, что воины ислама могут громить считавшихся ранее непобедимыми византийцев в открытой схватке. Переход местных провизантийских или настроенных нейтрально арабских племен на сторону завоевателей активизировался. Поддерживали мусульман также иудеи, которым некоторые положения ислама напоминали предписания иудаизма. Сражение при Аджнадаине позволило также получить успешный опыт взаимодействия между собой разрозненных племенных и локальных арабских отрядов, не действовавших ранее совместно, в масштабной битве. Наконец, победители захватили на поле боя оружие и доспехи, что позволило перевооружить войско и значительно усилить его боеспособность.

Таким образом, когда арабы подошли к позициям куропалата Феодора на реке Ярмук, они были значительно сильнее, чем ранее. Однако и византийцы оставались грозной силой, вследствие чего оба войска долгое время в конце лета – начале осени 634 г. стояли друг напротив друга, не решаясь начать генеральное сражение. Дишь в конце сентября либо начале октября состоялась решающая битва, в которой византийцы были наголову разгромлены.

Потерпев поражение, ромеи отступили, разрушив при этом дамбы и затопив пространство между Пеллой и Скифополем. Образовавшаяся при этом на обоих берегах, где были солончаки, непролазная грязь и топи должны были помешать арабам переправиться на западный берег Иордана. Куропалат Феодор бежал к брату-императору в Эфес и заявил ему, что нашествие арабов – Божья кара Ираклию за его кровосмесительный брак с собственной племянницей Мартиной. В отместку василевс отстранил Феодора от командования и выслал его в Константинополь, где приказал содержать его под стражей. Главнокомандующим вместо брата Ираклий назначил евнуха сакеллария (казначей) Феодора Трифирия (Трифурия),

подчинив ему Ваана, Василиска и других военачальников. Была сформирована крупная ударная группировка, насчитывавшая около 70 тысяч воинов.

Арабы же тем временем опустошали Сирию, заняли Джабию (Габиту) и осадили Пеллу (Фихль). Именно против последней был направлен первый удар ромейского войска, выдвинувшегося под командованием подчиненного Феодору Трифирию Нестория из-под Скифополя (Бейсана). Перейдя Иордан, византийцы рассчитывали застать арабов врасплох, однако им это не удалось. Мусульмане заманили ромеев в ловушку, оставив в качестве приманки укрепленный лагерь, окруженный верблюдами со связанными ногами. Когда византийцы ворвались в лагерь, арабы ударили по ним с двух сторон из засады и обратили в бегство, во время которого беглецы сбились с пути и попали в устроенную ими самими вязкую топь, усиленную, к тому же, зимним разливом реки Иордан. Увязших в грязи ромеев арабы беспощадно истребляли, перебив около двух тысяч воинов.

После поражения византийцев жители Пеллы поспешили заключить с мусульманами договор, согласно которому обязывались выплачивать джизью в обмен на гарантию неприкосновенности жизни и имущества. Ромеи (румы) получали право беспрепятственно покинуть страну в течение года. Если же они не делали этого и оставались на месте, то также обязывались платить джизью. Вслед за Пеллой подобные договоры заключили другие окрестные городки вокруг Тивериадского озера. Вскоре арабы овладели Скифополем.

Победное шествие мусульман продолжилось далее в сторону Эмесы и Дамаска. Когда в январе 635 г. арабские отряды появились в окрестностях Эмесы, местные жители сочли разумным заключить с ними договор. Однако, когда к городу подошли византийские войска, которыми командовали армянин Ваан и правитель города Эдессы Склир, договор был разорван и горожане выступили на одной стороне с ромейскими воинами, дав бой и отбросив мусульман.

Развивая успех, византийцы двинулись в сторону Дамаска и заняли позиции по реке Варданисий (Барада). Однако здесь удача от них отвернулась. В сражении, которое произошло 25 февраля 635 г. на равнине Марджас-Суффар, воины ислама нанесли ромеям сокрушительное поражение. Полагая, что удержаться на этом рубеже не удастся, Ираклий приказал своим полководцам отступить к Эмесе. Битва была не менее кровопролитной и для арабов, которые 15 дней после нее топтались на месте, ожидая, по всей видимости, подкреплений. Лишь к 12 марта 635 г. они преодолели 30–40 километров, отделявшие их от Дамаска, и начали осаду.

Дамаск, под руководством градоначальника Анастасия, оказал упорное сопротивление арабам, умевшим осуществлять грабительские набеги на

сельские поселения и побеждать в полевых сражениях, но практически не владевшим искусством осады и штурма городов. Местные жители успели хорошо подготовиться к обороне, пополнив продовольственные запасы и укрепив стены. Городской гарнизон был также существенно усилен отошедшими сюда частями ромейских войск, потерпевших ранее поражение при Пелле. Они осыпали осаждавших город арабов градом стрел и камней, не позволяя им приблизиться к стенам. Это заставляло мусульман, у которых отсутствовала какая-либо осадная техника и навыки, просто блокировать город.

В конце мая 635 г. сакелларию Феодору совместно с Вааном даже удалось прорваться к самому Дамаску и сражение завязалось у самых городских стен. Часть ромейских войск даже смогла пробиться внутрь города, усилив гарнизон, однако этим успех византийцев ограничился – теснимые арабами, они вынуждены были отступить назад к Эмесе. Менее удачной была еще одна попытка прорыва, закончившаяся поражением ромеев 10 августа 635 г. в битве при Бейт Лихйя. Неудача подорвала боевой дух осажденных дамаскинцев, и они, чувствуя угрозу приближающегося голода, все более склонялись к сдаче города.

В итоге 3 сентября 635 г. с арабами был заключен договор о капитуляции. Ал-Балазури приводит его основные положения полностью: «Это то, что даровал Халид ибн-ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него. Даровал неприкосновенность им самим, их имуществу, их церквам; их городская стена не будет разрушена, и ни в одном из домов не будут селиться. ... Не окажут им ничего, кроме добра, если они платят джизью». Джизья должна была составить, согласно разным источникам, один, два или четыре динара с мужчины и один джариб зерна (около 23 кг) с джариба земли (около полутора соток).

Как свидетельствует тот же ал-Балазури, после заключения договора монахи одного из пригородных монастырей предоставили мусульманам лестницы и те смогли беспрепятственно взойти на городские стены. Согласно историческому преданию, одновременно с этим с другой стороны города арабы якобы ворвались в него силой и вели бой, прорываясь к центру города. Источники называют разные имена тех военачальников, которые заключали мир и вели бой. Два отряда – ворвавшийся с боем и вошедший мирно – встретились в центре Дамаска, и их предводители долго спорили о том, считать ли город взятым силой или сдавшимся. В итоге возобладала «мирная» сторона. Трудно судить, насколько предание соответствует действительности. Видимо, истина состоит в том, что договор был спешно заключен в момент, когда арабы предприняли попытку штурма.

Как бы то ни было, капитуляция Дамаска стала важным моментом на пути завоевания арабами Сирии – это впервые им покорился крупный, богатый и хорошо укрепленный город с большим гарнизоном, способный выдержать многомесячную и даже многолетнюю осаду. К этому времени, после смерти первого праведного халифа Абу Бекра 23 августа 635 г., Халид ибн-ал-Валид был смещен с поста главнокомандующего мусульманским войском, и его место занял Абу-Убейда ибн-ал-Джаррах. Под его предводительством арабы двинулись в Северную Сирию на Эмесу, покоряя попутно лежащие на их пути города – Баальбек, Пальмиру (Тадмор), Батанию, Хауран, Епифанию (Хаама), Лариссу (Шейзар), Апамею (Фамийя).

К Эмесе мусульмане подошли в конце ноября либо в начале декабря 635 г. и взяли город в осаду. Сдаваться эмеситы не желали, заявляя, что покорятся лишь в том случае, если арабы разобьют войска Ираклия. Очевидно, они рассчитывали также на то, что непривычные к холодам кочевники не смогут долго продержаться зимой в этой местности и вскоре уйдут сами. Однако арабы держались стойко, встав лагерем у городских ворот Растан и отрезая пути подхода подкреплений с севера. Гарнизон Эмесы, несомненно, рассчитывал также на скорый деблокирующий прорыв со стороны византийской армии. Сакелларий Феодор действительно организовал рейд по направлению к Дамаску с целью зайти мусульманам в тыл и тем самым вынудить их отступить, однако он завершился неудачей. Арабы смогли разгромить византийскую конницу в местности, которую арабские авторы называют Марадж-ар-Рум («Луг ромеев»). В этом бою погиб правитель Эдессы Склир. Воля жителей Эмесы к сопротивлению была сломлена и через некоторое время город капитулировал, выплатив завоевателям 170 тысяч динаров.

Сдача Эмесы стала в глазах императора Ираклия переломным событием – надежды на то, что арабы рано или поздно нагрябят и уберутся восвояси с добычей, окончательно улетучились. Становилось понятно, что завоеватели собираются не только закрепиться на завоеванных рубежах, но и двинутся дальше вглубь византийских владений. Так, уже после взятия Эмесы они овладели Габалой и Лаодикией. Это заставило василевса предпринять решительные шаги по организации контрнаступления-реконкисты. Было принято решение скоцентрировать в регионе мощную ударную группировку и разгромить арабов в навязанном им генеральном сражении.

К июлю 636 г. были собраны значительные силы из Месопотамии, Армении и других областей империи. Суммарно они насчитывали около 40–50 тысяч воинов. Во главе византийского воинства были поставлены сакелларий Феодор Трифирий и армянский полководец Ваан. Можно предположить, что группировка Феодора концентрировалась в Антиохии

и состояла в основном из ромеев-греков, тогда как Ваан собирал свое состоявшее преимущественно из армян войско в Эдессе.

Противостоявшие византийцам в Северной Сирии отряды арабов насчитывали, по самым смелым подсчетам, не более 15 тысяч воинов. К тому же, они не были собраны в едином формировании, а рыскали мелкими отрядами в поисках добычи по всему региону. Эффективно противостоять в таких условиях во много раз превосходящим силам противника было невозможно, и арабы решили отступить к югу. При этом якобы было принято весьма грамотное с политической точки зрения решение вернуть горожанам Эмесы, а затем Дамаска и других городов собранные с них налоги, мотивируя это тем, что мусульмане не в состоянии выполнить свою часть договора – обеспечить безопасность местных жителей, готовых платить джизью.

Если приводимые арабскими авторами свидетельства о возвращении собранных налогов хоть в какой-то мере правдивы, следует отдать должное мудрости мусульманских полководцев, ведь это был идеальный ход в качестве политической рекламы новой исламской власти. Сирийцы настолько прониклись этим пиаром, что заявляли арабам: «Ваше правление и ваша справедливость нравятся нам больше, чем та несправедливость и те обиды, которым мы подвергались; с вашим правителем мы наверное отстоим наш город от войска Ираклия». Особое рвение выказывали при этом иудеи: «Клянемся Торой, – заявляли они, – что правитель Ираклия только в таком случае вступит в город, если мы будем побеждены и выйдем из сил».

Даже если сведения о возвращении мусульманами собранных налогов являются позднейшим вымыслом с целью прославления ислама, следует обратить внимание, что собиравшиеся ими подати в любом случае были ощутимо меньшими, чем взимавшиеся ранее византийцами. На фоне же попыток Ираклия взыскать недоимки за два года персидской оккупации Дамаска они и вовсе казались неимоверно привлекательными. Все это привело к тому, что большинство населения региона заняло выжидательную позицию, не желая открыто поддерживать ни одну из сторон. Новая власть арабов была привлекательна уменьшением налоговых сборов и веротерпимостью к монотеистическим религиям (мусульмане преследовали лишь язычников), старая власть византийцев была тяжелой, но привычной и знакомой. Горожан, по всей видимости, удовлетворил бы любой вариант, лишь бы он не сопровождался смертями, грабежами и разрушениями.

Итак, арабы отступали на юг и оставленные ими территории постепенно занимали продвигавшиеся с севера византийские войска. Видимо, ромейских военачальников удовлетворил бы любой из двух вариантов – они

были готовы либо разгромить мусульман в решающем полевом сражении, либо медленно выдавить их за пределы византийских владений. Поначалу все складывалось для византийцев вполне успешно, однако неблагоприятным фактором была все возрастающая неприязнь между Феодором и Вааном, который считал себя более опытным и талантливым военачальником и не желал мириться с положением подчиненного. Соперничество между византийскими полководцами сыграло роковую роль, став одним из факторов поражения византийского войска.

Оступившие на юг арабы заняли позиции в районе знакомой им по битве 734 г. реки Ярмук. Левым флангом мусульмане опирались на русло Ярмука, а с фронта были прикрыты одним из пересыхающих речных русел – вади, по всей видимости, современным вади Эль-Харир (вади Аль-Аллан). Главнокомандующим считался Абу Убайда, назначенный вторым праведным халифом Омаром, однако реально решающую роль играл Халид ибн-ал-Валид, возглавлявший важнейшую ударную силу армии – кавалерию. Абу Убайда командовал центром войска, где стоял мощный сводный отряд из тысячи сподвижников пророка, объединенное формирование пехоты и аздиты. Пехотой командовал Хашим ибн-Утба. Правым флангом руководил Муаз ибн-Джабала, в качестве военачальника, возглавлявшего левый фланг, в источниках называют разных известных полководцев.

Войско арабов было сплочено идеей борьбы за веру и чувством племенного родства, мусульмане были абсолютно уверены в собственной правоте и были готовы погибнуть, но не отступить. Чувство родственного плеча, слава и гарантированное вознесение в рай в случае смерти на поле боя в борьбе за веру, и позор при бегстве от врага – все это способствовало высокому боевому духу воинов ислама.

Иной была ситуация в состоявшем из разных народов войске византийцев. Подошедшие к Ярмуку ромеи оказались в неблагоприятном положении – им пришлось сильно растянуть фронт по пересеченной местности, что значительно затрудняло коммуникации между корпусами. Расстояние между правым и левым флангами ромейского войска достигало 13–15 км, причем между ними находились несколько вади с крутыми обрывистыми берегами. Наиболее сложным препятствием было Вади ар-Руккад (ар-Рамада), разделявшее византийские войска на две части. Через это вади существовал лишь один мост, вследствие чего центр и правый фланг ромейского войска были отрезаны от левого фланга и вынуждены дробить свои силы на мелкие отряды в случае наступления.

Первым из византийского войска к Ярмуку подошел со своим отрядом Ваан, заняв позиции перед Вади ар-Руккад в районе современного местечка Якуза. Атаковать с марша, видя численное превосходство противника,

сложную местность, в складках которой могли укрываться вражеские засады, и учитывая усталость собственного отряда, армянин не решился. Кроме того, находившееся перед его позициями вادي как надежно прикрывало от нападения арабов, так и не позволяло атаковать самому. Ваан запросил помощи от сакеллария Феодора, но когда тот подошел к Ярмуку и 16 июля 636 г. дал бой арабам, то потерпел поражение.

Началось длившееся около месяца позиционное стояние ромейских и мусульманских войск, сопровождавшееся незначительными стычками с переменным успехом. Инициатива, видимо, преимущественно принадлежала арабам, которые беспокоили лагерь византийцев стремительными набегами. Время однозначно работало на мусульман, поскольку их войско, сплоченное общей религиозной идеей и однородное по этническому составу, не теряло, в отличие от ромеев, присутствия боевого духа. Один из предводителей мусульманского войска Абу-Суфьян, отец Язида, настраивал воинов бороться против румов как против язычников, якобы почитающих трех богов (так он понимал христианский догмат о Святой Троице): «Помните, что вы есть опора ислама и защищаете арабов! Они же защищают румов и многобожие!».

Среди разуверившихся византийцев усиливалось недовольство и учащались случаи дезертирства. Масла в огонь подливал конфликт между Вааном и Феодором. Напряженность и даже откровенная враждебность между различными частями византийской армии усиливались, а воинская дисциплина упала настолько, что для того, чтобы удержать пехотинцев в строю, их приходилось сковывать цепями по 10 человек в шеренге.

В таких условиях 20 августа 636 г. византийцы все же решились атаковать противника. Видимо, затягивать дальше позиционное стояние было попросту невозможно – войско грозило либо взбунтоваться, либо разбежаться. На момент начала решающей битвы, по наиболее вероятным подсчетам, армия ромеев насчитывала около 50 тысяч воинов, войско мусульман – приблизительно вдвое меньше, до 24–27 тысяч. По сведениям арабских авторов, в центре византийского войска стояли отряды армян под командованием Джирджира (Георгий или Григорий), правым флангом командовал Ибн Канатир (Абу Канатир, Кентарис или букинатор (трубач)), левым – Друнаджар (Ардиган или друнгариий – тысяцкий).

После обмена кавалерийскими наскоками с обеих сторон, ромеи атаковали со своего левого фланга, отрядами, которым не нужно было переправляться через Вادي ар-Руккад, правый фланг арабского войска. Две атаки мусульмане отразили, однако после третьей находившиеся здесь йеменские племена дрогнули и отступили в сторону лагеря. Стойко держались лишь небольшие отряды воинов вокруг знаменосцев отдельных

племен. Ромейские воины ворвались в лагерь, однако арабские женщины, встретившие беглецов-арабов руганью и кольями от палаток, заставили их опомниться и защитить свои семьи. «Легче встретиться в бою лицом к лицу с руми, чем с нашими женами!», – заявил, согласно преданию, один из арабских воинов, сражавшихся при Ярмуке. В этот момент смог удачно использовать один из своих кавалерийских корпусов Халид ибн-ал-Валид, выбив византийцев из лагеря стремительной атакой конницы. Ромеи были отброшены на исходные позиции.

Возможно, вся эта красочная история с участием женщин, образумивших воинов проклятиями и тумакami, скрывает за собой заранее спланированную военную хитрость. Мусульмане специально заманили византийцев вглубь своих позиций до самого лагеря, укрыв тем временем в складках местности значительные засадные отряды. Увлеченные преследованием беспорядочно отступавших напоказ арабов ромеи втянулись в специально оставленный для них корридор. Когда же они углубились, арабы ударили по их растянувшимся порядкам с флангов, отсекая ромейскую конницу от пехоты и отрезая их от основных сил. Чтобы не попасть в котел, византийцы вынуждены были отступить, понеся значительные потери.

Атака византийцев с их правого фланга также закончилась неудачей. Во время успешного наступления левофланговых подразделений они успели перейти через мост Вади ар-Руккад и также с боем прорваться до лагеря мусульман. Видимо, арабы использовали здесь ту же тактику, что и на своем правом фланге, и, когда ромеи втянулись в мешок, контратаковали их.

На стороне мусульман, казалось, сражалась сама природа, поскольку атаковавшим ромеям сильно осложняли жизнь слепящее солнце и сильный встречный ветер из пустыни, несший тучи засыпавшего глаза песка. Воинам приходилось закутываться в плащи, завязывать повязками рот и нос, чтобы хоть как-то спастись от вездесущей пыли. Когда во время контратаки арабской конницы погиб командующий правым флангом византийцев Кентарис, его тело обнаружили закутанным в плащ с головой. Это породило легенду о том, что полководец закрыл лицо, лишь бы не видеть позора поражения своих отрядов.

Впрочем, не так страшен был разгром правого крыла византийского войска, которому, видимо, удалось отступить относительно организованно, как открывшаяся перед ним невозможность вернуться в старый укрепленный лагерь на противоположной стороне Вади ар-Руккад. Дело в том, что мост, по которому ромеи переправились утром, и который оставили под охраной воевавших на стороне византийцев арабов-гассанидов под командованием Джабалы ибн-ал-Айхама, оказался захвачен неприятелем. Вследствие этого отступившие ромеи оказались в мышеловке припертыми к Вади ар-Руккад

и не имея возможности отдохнуть и пополнить силы. Путь к какому-либо организованному отступлению был перекрыт, византийцы были прочно заперты между Ярмуком на юге, Вади ар-Руккад на западе и мусульманскими войсками перед вади Эль-Харир (вади Аль-Аллан) на востоке.

Арабы же ночью перешли вади южнее и полностью разгромили оставшийся без защиты базовый лагерь византийцев. Его защитники разбежались по окрестным оврагам и беспорядочно отступили на северо-восток по направлению к Дамаску. Возможно, именно к этому моменту относится нападение на лагерь византийцев со стороны дамаскинцев под предводительством Анастасия-Мансура с тыла.

Следующий день начался с интенсивного сражения в центре, где ромеям удалось потеснить позиции мусульман. Организованная Халидом контратака арабов двумя корпусами с флангов захлебнулась на правом фланге византийцев под градом стрел конных армянских лучников. По свидетельству ал-Вакиди, в этот «день окривения», «день потерянных глаз» более 700 мусульман лишились зрения от ромейских стрел. Успешнее действовала арабская конница под предводительством Кайс ибн-Хубайраха на левом фланге ромеев, где ей удалось отсечь византийскую пехоту от кавалерии верных христианам гассанидов, и обратить их в бегство. В центре Ваан бросил в бой тяжелую пехоту, воины которой были скованы цепями по десять в шеренге, но не смог опрокинуть боевых порядков мусульман.

Решающим стал третий день сражения, в ходе которого арабы прорвались по правому флангу к захваченной ранее переправе через Вади ар-Руккад и окончательно отрезали от нее пытавшихся прорваться туда воинов Ваана. Поднявшийся сильный ветер с пустыни дул ромеям в лицо, забивал пылью глаза и сводил практически на нет убойную силу их стрел. Действовавшая совместно и относительно слаженно византийская армия окончательно рассыпалась на сражавшиеся разрозненно отряды, солдаты которых все чаще обращались в паническое бегство. «Словно стена рухнула» отмечал хронист, говоря о беспорядочном бегстве ромейских воинов в густых клубах пыли. Преследуемые мусульманами, которые были озлоблены произошедшим накануне «днем окривения», беглецы десятками гибли от их клинков и стрел, сотнями срывались с крутых обрывистых берегов глубоких вади Руккад и Ярмука, где калечились и разбивались насмерть о камни.

Разгром был византийского войска был тотальным – оно попросту перестало существовать как таковое. Из 50-тысячной армии спаслось всего около 20 тысяч человек, причем половина из них были легкоранеными. Не менее 10 тысяч солдат погибло, остальные были тяжело ранены или попали в плен. Потери арабов были существенно меньшими, но и они были

ощутимы – около 4 тысяч убитыми и от 10 до 12 тысяч ранеными. Боеспособными оставались всего 10–12 тысяч мусульманских воинов. Казалось бы, истощенные сражением, они были неспособны к скорому новому покорению византийских владений, однако, поскольку противопоставить им было некого, арабы без труда заняли оставленные ранее города. Значительно облегчало мусульманам задачу то, что местное население массово их поддерживало.

Ираклий, узнав о тотальном разгроме своей армии, отказался от немедленной организации дальнейшего сопротивления, понимая, что создать боеспособное войско из тех немногочисленных и, к тому же, деморализованных поражением отрядов, которые еще оставались в его распоряжении, уже не удастся. Согласно преданию, уезжая из Антиохии в Константинополь, император воскликнул: «Прощай, Сирия! Какая это прекрасная страна для врага нашего!». Многие историки расценивают эту легендарную фразу не только как признание неспособности защитить край, но и как уверенность Ираклия в том, что он потерян для Византии навсегда. В доказательство приводят также сведения сирийской хроники 1234 г., согласно которым василевс разрешил воинам беспрепятственно грабить местное население, поскольку считал Сирию уже вражеской территорией. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с этим мнением – Ираклий уже терял однажды все восточные провинции империи под напором персов и смог вернуть их. Борьба за Сирию вступала для василевса в новую фазу, и, скорее всего, проиграв битву, он рассчитывал в итоге выиграть войну, как это не так давно произошло во время противостояния с Сасанидским Ираном.

Тем временем арабы продолжали свое победное шествие по византийским владениям, захватив к лету 638 г. все земли к западу от Евфрата. Завоевателям покорились выдающиеся экономические и культурные центры ромейского востока – Халеб (Алеппо), Иераполь, Антиохия, Тир, Сидон, Берит (Бейрут). Большинство городов сдавались добровольно, подписывая договоры о «неприкосновенности их жизни, их имущества, их церквей и крестов». Важную роль в добровольном подчинении местного населения мусульманам играл тот факт, что устанавливавшиеся арабами нормы налогообложения были существенно меньшими (по крайней мере, на первых порах), чем существовавшие до этого византийские.

Знаковым стало покорение Иерусалима, бывшего ключевым религиозным центром одновременно иудеев и христиан. Поскольку ислам вобрал в себя множество элементов этих религий, не менее важным он был и для мусульман. Принимать капитуляцию столь значимого города явился лично халиф Омар, который находился в то время в Сирии. В 637 г. он въехал в город верхом на верблюде, поразив всех присутствовавших простотой

и бедностью своих одежд. Халифа лично встречали патриарх Софроний и правитель города батрик (патрикий), которые провели его по всем местным святыням. Здесь Омар заложил мечеть, получившую название Масджид ал-Акса («Дальняя мечеть»).

Не остановили продвижение арабов ни предпринятая императором Ираклием бывшая поначалу успешной высадка десанта на Финикийском побережье, ни пандемия чумы («амавасской язвы»), унесшая жизни тысяч арабов, ни «год пепла» – 639 г., поразивший страшной засухой саму Аравию. От чумы, особенно свирепствовавшей в военном лагере арабов под Эммаусом (Амавасом) умерло около 25 тысяч воинов – как простые солдаты, так и знаменитые военачальники Халид ибн-ал-Валид, Абу-Убейда ибн-ал-Джаррах, Шурахбиль-ибн-Хасан и другие.

После 639 г. наступила очередь Северной Месопотамии (ал-Джазиры), византийской Армении и Египта. 12 декабря 639 г. полководец Амр ибн-ал-Ас с небольшим отрядом арабской конницы в 3,5–4 тысячи всадников вторгся в Египет и осадил город Пелусий (ал-Фарама). До этого ему без боя сдалась пограничная крепость Ринокорура. Пелусий также вскоре был захвачен в начале 640 г., продержавшись всего около месяца. Показательно, что покидая взятый город, Амр приказал разрушить его стены, поскольку опасался, что ромеи, вновь восстановив контроль над ним, могут отрезать для полководца-авантюриста, отправившегося на завоевание огромной страны с горсткой воинов, все пути для отступления или получения подкреплений. Оставить же хотя бы 200–300 воинов для охраны Пелусия Амр не мог – даже столь незначительное число было весомым в его малочисленном войске.

Развивая успех, арабы разбили нескольких византийских полководцев – Иоанна Варкайна, Мариана – войска которых не отличались высокой боеспособностью и годились разве что для подавления крестьянских восстаний. Местное население, исповедовавшее преследовавшееся в Византии монофиситство, массово переходило на сторону завоевателей. Против захватчиков выступил префект-августал Нижнего Египта Феодор, организовавший узел обороны в мощной римской крепости Вавилон (Баблийун или Бабалийун арабских источников) в районе современного Каира. Вавилон был весьма серьезным укреплением – его стены из перемежавшихся рядов обожженного кирпича и камней возвышались на 18 метров, двое ворот города выходили к Нилу, а сам он был связан понтонным мостом с речным островом ар-Рауд. Речное сообщение давало возможность получать припасы, что делало взятие крепости измором невозможным.

В июле 640 г. Феодор попытался сразиться с захватчиками и вышел из крепости. К тому времени арабы уже дважды получили подкрепления по

4–5 тысяч воинов и смогли, скрыв часть своих отрядов, выманить префекта на открытое пространство, ударив затем по нему из засады. Византийскому полководцу пришлось спешно отступить назад в крепость, ничего не выиграв, однако и Амру не удалось захватить крепость. Взять Вавилон арабы смогли лишь в начале апреля 641 г., уже покорив к тому времени Файюм и Сиут.

Тем временем, пока Вавилон еще стоял, александрийский патриарх Кир попытался откупиться от арабов, получив взамен гарантию безопасности Египта. В источниках называют разные суммы контрибуции, однако важно другое – Ираклий, узнав о попытках Кира договориться с мусульманами, отозвал его в Константинополь, обвинил в государственной измене, пытал и бросил в темницу. Плата арабам не пришла, и те возобновили военные действия, разоряя страну.

После смерти императора Ираклия 11 февраля 641 г. Кир был выпущен на свободу и направлен в Египет с целью заключить с мусульманами мир при условии, если дальнейшее сопротивление уже невозможно. 8 ноября 641 г. был заключен весьма тяжелый для византийцев мирный договор, состоявший из восьми пунктов. Согласно его клаузулам, стороны улаживались о прекращении военных действий и перемирии до 28 сентября 642 г. Александрийцы должны были выплатить дань в размере двух динаров с каждого мужчины и предоставить 150 воинов и 50 мирных жителей в качестве заложников под гарантии соблюдения мира. Взамен арабы обещали сохранность церквей и невмешательство во внутренние дела христиан, а также позволяли проживать в городе евреям. Через одиннадцать месяцев византийская армия должна была покинуть город по морю. Ромейское войско, отступающее по суше, обязано было выплатить дань за месяц.

Вряд ли византийцы собирались соблюдать столь невыгодный для них мирный договор. Видимо, патриарх Кир рассчитывал выиграть время, откупиться прямо сейчас, а затем разорвать условия договора, накопив собственные военные силы либо получив подкрепления. Арабы, появившись в декабре 641 г. под стенами Александрии и получив дань, спокойно ушли, выполняя свою часть договора. Они даже позволили дополнить его еще одним положением – о беспрепятственном возврате беженцев из города в места их постоянного проживания, что позволило александрийцам освободиться от бремени по их содержанию.

Византийцы, таким образом, получили время собраться с силами, однако воспользоваться им не смогли. Арабы завершили завоевание Египта и начали обустривать постоянный военный лагерь ал-Фустат (буквально «лагерь») в районе покоренного Вавилона. 17 сентября 642 г. префект августал Феодор оставил Александрию и отплыл на Кипр, а 22 сентября

642 г. войска Амра заняли Александрию. Местное монофиситское население, несмотря на грабежи и налоговый гнет, положительно отнеслось к мусульманам, избавившим его от преследований со стороны византийцев-ортодоксов. Епископ Иоанн Никиусский, упоминая о притеснениях со стороны завоевателей, писал: «И все же Бог в своей великой доброте посрамил тех, кто нас мучил ... и изничтожил злые козни наших притеснителей...». Мысль о том, что «Бог мести послал арабов, чтобы освободить нас от жестокости ромеев» была распространена в народе.

При этом сделать Александрию своей резиденцией и столицей Амр не посчитал возможным – настолько местный быт был непривычен и, вероятно, неприятен воину-кочевнику. Позднейшая легендарная традиция объяснила этот факт запретом Омара располагать войска на противоположной от Аравии стороне больших рек. Столь же легендарна традиция, приписывающая Амру ибн-аль-Асу сожжение знаменитой Александрийской библиотеки и броскую фразу: «Если в этих книгах написано то же самое, что в Коране, – они излишни, а если в них написано иное – они ложны; в обоих случаях их следует сжечь». Ни один из враждебных исламу христианских историков не упоминает о факте уничтожения Амром библиотеки, которая, по всей видимости, постепенно угасала в течение трех веков в период выдавливания язычества побеждавшим христианством.

В 645 г. византийцы попытались вернуть себе Египет. Десант, прибывший под командованием евнуха-армянина Мануила, высадился в районе Александрии и стремительно овладел городом. Часть местного населения, недовольная увеличением податного гнета при арабском владычестве, поддержала ромейских воинов. Однако основная масса отнеслась к византийцам крайне негативно, поскольку те вели себя в Египте, словно в чужой завоеванной стране, бессовестно грабя жителей. Как свидетельствует Ибн-Абд-ал-Хакам, ромейские воины стали «останавливаться в селениях, пить вино жителей, есть их еду и грабить то, мимо чего проходили». Убедившись, что местное население не будет поддерживать византийцев, Амр ибн-ал-Ас разгромил их в ряде сражений на суше и на море.

В 646 г. мусульмане во второй раз покорили Александрию. Арабский военачальник приказал разрушить стены города, заявив, что сделает его, подобно жилищу блудницы, доступным каждому желающему. Примечательно, что стены были разрушены лишь со стороны суши, тогда как со стороны моря их сохранили, опасаясь морского нападения византийцев.

Покорение Египта открыло путь к дальнейшему продвижению на запад и завоеванию североафриканского побережья, и арабы не переминули этим воспользоваться. Так, идя постепенно вдоль берега Средиземного моря они добрались в итоге до Гибралтара и попали на Иберийский полу-

остров. Однако существовал и гораздо более близкий путь для того, чтобы попасть в Европу – через Босфор и Дарданеллы. На этом пути лежала притягивавшая алчных завоевателей своими богатствами столица Византийской империи – Константинополь.

Первые вторжения арабов в Малую Азию приходятся уже на 640-е гг. В 641 г. была взята выдерживавшая ранее семилетнюю осаду Кесария – центр провинции Палестины Первой, в 644 г. пал Аскалон. Приблизительно в это же время мусульмане начали создавать в регионе свой флот, базой которого стал город Акка (Акра). Некоторое время спустя он начал представлять серьезную угрозу для традиционно господствовавших на море византийцев и даже был эффективно использован при штурме Триполи, происходившем одновременно и с суши, и с моря. Создателем арабского флота считается выдающийся полководец Муавия, назначенный в 646 г. правителем Сирии.

В 648 г. Муавия предпринял на 220 судах хорошо подготовленный в течение двух предыдущих лет поход на Кипр. Первая в истории арабских завоеваний морская экспедиция оказалась успешной – арабы высадили на острове десант, взяли город Констанцию и активно грабили местное население. Лишь приближение несравнимо большего византийского флота под командованием паракимомена Какоризоса заставило их отступить.

Со второй половины 640-х гг. арабские войска стали также все чаще пересекать труднопроходимые горы Тавра и вторгаться в Малую Азию, опустошая ее. Явной целью мусульманского воинства все отчетливее становился Константинополь. Для этого арабам нужно было установить безоговорочное господство над морем. Зимой 654–655 гг., как свидетельствует хронист Феофан, Муавия начал готовить в Триполи (Тарабулисе) армаду для нападения на столицу Византии. Лишь героизм двух местных братьев-греков, «детей Вукинатора», спас тогда столицу от морской осады. Видя опасность приготовлений Муавии для Константинополя, братья выпустили из тюрьмы пленных ромейских воинов, убили триполитанского градоначальника, а построенный арабами флот сожгли.

В связи с этим египетскому флоту мусульман пришлось вести боевые действия на море без поддержки флота Муавии, но даже при этом ему удалось разгромить императорский флот у Фойника при побережье Ликии. В затянувшемся до глубокой ночи абордажном рукопашном сражении арабы смогли сломить сопротивление ромеев и уничтожить значительную часть их кораблей. По данным источников, византийцы потеряли в битве около 20 тысяч человек. «Море смешалось с кровью римлян», – писал хронист. Уничтожение ромейского флота довершил шторм, наутро после которого берег моря был завален обломками кораблей и горами тел убитых и утопленников. Потери среди мусульман также были тяжелыми, однако

исход сражения все же был в их пользу. Благодаря победе они установили господство над восточной частью Средиземного моря и получили возможность наносить удары по всем городам Византии на морском побережье. Флот арабов ничуть не уступал флоту ромеев, тем более, что строили его все те же ромейские мастера покоренных приморских городов, а команды набирались из хорошо знакомых с морским делом египтян и жителей сирийского побережья.

Тучи арабского нашествия сгущались над Константинополем. К походу на Второй Рим подталкивало и существовавшее среди мусульман поверье о том, что Мухаммед якобы обещал прощение всех грехов тем, кто будет состоять в армии, захватившей столицу Византии. Враги уже вынашивали идею объединения земель поверженной Персии и захватываемой Византии, но империю спасла междоусобная война, начавшаяся между зятем пророка Али и наместником Сирии Муавией. В борьбе победил Муавия, перенесший столицу арабского мира из города пророка Медины в пышный сирийский Дамаск.

Гражданская война среди мусульман возродила прежние родоплеменные распри, осложнила их новыми обидами и противоречиями, усилила религиозную рознь арабов, разделившихся на правоверных суннитов и шиитов – сторонников Али и его прямых потомков. Более того, в 659 г. Муавия заключил с императором Константом II мирный договор, согласно которому «римляне и аравитяне, раздираемые междоусобиями, условились, чтобы аравитяне платили римлянам на день по тысяче монет, по лошади и по невольнику». Впервые мусульмане платили дань византийцам, а не наоборот.

Впрочем, стоило Муавии укрепить свои позиции, как он разорвал договор и заявил: «Если ромеи хотят мира – пусть платят джизью». Арабы продолжали неудержимо двигаться по восточному и южному Средиземноморью, подобно гигантской волне, затапливающей все на всем пути. Если до этого, по выражению современника, «границы империи, подобно статуям императоров, казались навечно сделанными из бронзы и мрамора», то теперь все «видели империю униженной». Обосновавшись в Дамаске, халифы из династии Омейядов почти ежегодно предпринимали рейды вглубь Малой Азии, особенно в ее юго-восточные области, двигаясь от гор Тавра, где проходила византийско-арабская граница. Чаше всего маршрут арабских вторжений сабелей пронзал ромейские малоазийские города Аморий, Дорилею, Ираклию, достигая иногда областей южного Понта. Набеги следовали с регулярностью сезонных ветров.

Со временем война превратилась в такое же сезонное занятие как сев или сбор урожая. Почти ежегодно, если все было спокойно внутри Хали-

фата, весной (не позже 11 мая, чтобы успеть к уборке зерна), арабы собирали войска в пограничных округах Сирии для набега. С регулярностью часового механизма, они били в «подбрюшье» ромейской Малой Азии, углубляясь на север, словно нож в масло, вплоть до берегов Черного моря и Босфора.

Военные действия арабов против Византии возобновились в 662 г. Историк ат-Табари писал: «В этом году мусульмане совершили поход на аланов, а также совершили поход на ар-Рум, обратили их, как говорят, в позорное бегство и убили множество их патрикиев». В 663 г. поход в Малую Азию совершил Буср ибн-абу-Арта, оставшийся в византийских владениях на зиму. В лаконичных сообщениях мусульманских историков о набегах будничной стала концовка «...и зимовал в ар-Руме», что было, несомненно, тревожным для византийцев знаком.

В 666 г. арабам и вовсе представилась прекрасная возможность покончить с Византией одним ударом. В это время к Муавии прибыл посланник от стратига Армениака Сабориса Персогениса («Шапура Персородного») с предложением совместно выступить против Константинополя, обещая признать верховную власть халифа. Одновременно в Дамаск прибыл посол императора с призывом не помогать мятежному стратигу. Муавия, естественно, поддержал Сабориса и послал ему на помощь войско во главе с Фадалом ибн-Убайдой. Империю вновь спасло чудо – нелепая смерть Шапура: когда он проезжал через городские ворота, его конь взвился на дыбы и всадник сильно ударился головой об арку, проломив себе череп.

Муавия, понимая, что Фадал оказался в сложной ситуации, выслал ему на помощь своего сына Язида. Мусульманам удалось пройти всю Малую Азию насквозь и дойти до Халкидона, бывшего малоазийским преддверием Константинополя. За проливом Босфор, всего за несколькими сотнями метров морской воды, лежала возжеленная столица Византии. На обратной дороге Язид оставил в захваченном Амории пятитысячный гарнизон. Зимой византийцы под предводительством паракимомена Андрея тайно проникли в город и перебили всех арабов, укрывавшихся от холода в домах: «При глубоком снеге во время ночи по дереву Андрей взобрался на стену и вступил в Аморий: все пять тысяч аравитян перебиты, и не осталось от них ни одного».

Как видим, арабы появились в 666 г. опасной близости от столицы империи и предприняли неудачную попытку закрепиться в Амории, во Фригии. Понимая, что взять столицу Византии возможно лишь при одновременном ударе с суши и с моря, Муавия в 670 г. предпринял такой поход. В этом году арабская конница под командованием Фадалы ибн-Убайды подошла к Халкидону, но пробиться дальше не смогла и отошла зимовать

в Кизик. Одновременно мусульманский флот подошел к Золотому Рогу и высадил десант в семи милях к юго-западу от Константинополя, пытаясь штурмовать городские стены. И хотя из-за недостаточной подготовки все попытки были отбиты, арабы, в отличие от предыдущих лет, не вернулись с награбленным восвояси, а закрепились на полуострове Кизик. Сюда же отошел флот, найдя удобную якорную стоянку всего в 80 милях от Константинополя.

В следующем 671 г. Фадала запросил помощи у Муавии, и тот прислал ему отряд под командованием Язида. Базировавшийся на Мраморном море флот пытался блокировать Константинополь, однако это было явно ему не по силам – город даже не испытал голода. Продовольствие удавалось доставлять по суше с Балканского полуострова, из Фракии, и, возможно, также из Крыма. Зато в 672 г. арабам удалось взять Смирну и блокировать все гавани от Смирны до Киликии.

В итоге лишь с лета 674 г. мусульмане приступили к систематической осаде византийской столицы, продлившейся целых пять лет вплоть до 678 г. Эти годы были критическими для Империи ромеев, ведь, в случае удачи арабов, она могла не только лишиться своей столицы, ставшей по сути самой империей, но и открыть завоевателям путь в свои балканские владения и далее в Европу. Падение Константинополя означало гибель Византии, а исчезновение ромейского государства на пути арабского завоевания открывало прямой путь на Запад.

Ежегодно с апреля по сентябрь арабские корабли выходили из гавани Кизика в Пропонтиду и направлялись к византийской столице, входя в жестокие стычки с боевыми судами ромейского флота. Неизвестно, чем могли бы закончиться эти сражения, если учесть, что по мореходным качествам корабли сторон ничем не уступали друг другу, а в рукопашной абордажной схватке арабы даже могли дать фору ромеям. Однако вскоре на помощь византийцам пришло изобретение греко-римского научно-технического гения – «жидкий огонь» (по-гречески «пир иргос»). Называли это оружие также «греческим» или «ромейским огнем», поскольку его изобрели и использовали ромеи-византийцы, или же «морским огнем», поскольку его применяли преимущественно на флоте. Вплоть до появления в Европе в XIV в. пороха и пушки это было мощнейшее известное человечеству оружие.

Изобретение «жидкого огня» источники приписывают греческому инженеру-архитектору Каллинику, беженцу из сирийского Гелиополя, который перебрался в столицу Византии около 673 г. и, по сути, спас родину от вражеского нашествия. «Греческий огонь» представлял собой легко воспламеняющуюся вязкую смесь из фракций нефти и горючих растительных

масел с загустителями (смолой (канифолью), селитрой, серой, негашеной известью). Горящий «жидкий огонь» был настоящим напалмом средневековья – в больших количествах давал высочайшую температуру, от которой могли плавиться металлы и даже железо. Его невозможно было залить водой, но лишь засыпать землей или закрыть сырыми кожами, лишив тем самым очаг возгорания доступа кислорода, необходимого для горения. Не о об этом ли «рождённом от огня огне» («flames begotten of flame») писал в своем знаменитом стихотворении «Византия» Уильям Батлер Йейтс, замечая, что «в нём сталь горит и шторм его не гасит»? Из жидкостей «греческий огонь» научились со временем гасить только мочой или уксусом.

Особо следует отметить также тот факт, что «греческий огонь» был не просто жидким, но вязким, клейким, липким – загустители играли в нем важнейшую роль. Знакомые с приготовлением «коктейля Молотова» знают, чем отличается простая быстро выгорающая «болтушка» на основе бензина и машинного масла от серьёзно приготовленного по всем правилам «коктейля» с добавлением в нужных пропорциях пластика, пенопласта и ряда других ингредиентов. Попадая в цель, будь то палуба корабля, осадная машина или отряд воинов, горящая смесь «греческого огня» обволакивала, облепляла ее, быстро расплываясь во все стороны, но при этом не стекая с наклонных и даже вертикальных поверхностей, но как бы налипая на них.

Не менее важными были средства доставки. Изначально «жидкий огонь» метали в глиняных сосудах из передвижных, установленных на колесах катапульт на суше или стационарных метательных машин на судах либо со стен крепостей. Долетевший до цели горшок с прикрепленной к нему тлеющей ветошью разбивался и заключенная в нем жидкость эффектно ярко вспыхивала, испепеляя то, на что попадала. Со временем был изобретен огнемет, принципиально ничем не отличающийся от современного. Жидкость выбрасывалась в сторону врага из специальных медных труб – сифонов, сделанных в виде бронзовых чудовищ с разинутыми пастьми. Они были подсоединены к герметичным котлам, в которые под давлением накачивали мехами воздух и, открыв кран, можно было выстрелить разогретую огнесмесь, летевшую, по свидетельствам очевидцев, на десятки метров. К вылетающей из трубы смеси достаточно было поднести горелку, чтобы кипящие капли нефти превратились в ревущую струю пламени, устремленную на врага.

За действие огнеметных сифонов отвечал мастер-протоелат, который был одновременно главой гребцов на судне. В его обязанности входило поддерживать необходимую температуру смеси и давление в котле, чтобы оружие было максимально эффективно и при этом безопасно, ведь

избыточное давление или слишком высокая температура могли привести к взрыву и гибели всей obsługi орудия, а то и всего судна вместе с командой. С целью эффективного пожаротушения рядом с сифоном стояли пифосы с уксусом или мочой. Специалист-оружейник был ключевой фигурой, без его военно-технических навыков орудие превращалось в бесполезное, а то и опасное для пытающегося им воспользоваться нагромождение непонятных емкостей, механизмов, трубок и клапанов. Не менее важны были его химические познания о составе огнесмеси, пропорциях и правилах смешивания ее ингредиентов. Арабы и болгары впоследствии не единожды захватывали как сифоны, так и запасы уже приготовленного «жидкого огня», но так и не научились ни использовать, ни воспроизводить это оружие.

По словам хрониста Феофана, император Константин IV, «узнав о движении богоборцев против Константинополя, и сам устроил двухпалубные огромные корабли с горшками огненосными и быстрые корабли с огненными сифонами, и приказал им напасть на неприятеля в Проклианзийской пристани близ Кесарии». Во время боя, когда суда подходили близко или даже вплотную, противника забрасывали горшками с зажигательной смесью и поливали горячей жидкостью. Был также изобретен и ручной огнемет – хиросифон, который мог использоваться одним или, скорее, несколькими воинами во время сухопутного боя, в особенности эффективно – при штурме крепостей.

«Греческий огонь» долго оставался самым грозным оружием средневековья, давая ромеям преимущество над врагами и на море, и на суше, при штурме крепостей. Сами византийцы прекрасно понимали стратегическое значение этого оружия и жестко придерживались запрета на его передачу иноземцам. Император Константин VII Багрянородный (945–959 гг.) в трактате «Об управлении империей» наказывал сыну Роману никогда никому не раскрывать секрет этого супероружия.

«Жидкий огонь» сделал свое дело. Как указывается в хронике Феофана, «зодчий Каллиник, прибежавший к римлянам из Илиополиса Сирийского, морским огнем, который им изобретен, сжег им и корабли, и все дышащее. Таким образом, римляне возвратились с победой и изобрели морской огонь». В итоге большая часть флота мусульман была окончательно сожжена на плаву, а остатки попали в сильнейший осенний шторм, разметавший несожженные ромеями суда. 678 г. стал переломным – арабы были вынуждены снять осаду Константинополя. Одновременно в Ликии было разгромлено и сухопутное войско мусульман под командованием Суфьяна ибн-Ауфа. Византийская армия под командованием Флора, Петра и Киприана уничтожила 30 тысяч арабских воинов.

Ранее в 677 или в том же 678 гг. ромеи перешли в контрнаступление и высадили десант на ливанском побережье около Сура и Сайды. Одновременно они инспирировали антимусульманское восстание жителей горного Ливана христиан-мардаитов (джараджима в арабских источниках), которым удалось быстро овладеть ливанскими горами. Наступление угрожало самому сердцу Халифата и Муавия вынужден был пойти на переговоры. В Дамаск прибыло посольство во главе с патрикием Иоанном Питцигаудисом (Питчегавдесом, Пичикавдисом), «человеком опытнейшим, одаренным великим разумом и совершенно владеющим языком аравийским».

По итогам переговоров было заключено перемирие на 30 лет – традиционное время «вечного мира» в понимании византийской дипломатии. Столь длительный срок свидетельствует о глубине поражения арабов и их готовности идти на весьма серьезные уступки. Муавия обязывался освободить пленных ромеев, число которых в источниках разнится – 50, 800 и 8 тысяч. Последняя цифра более вероятна, учитывая масштаб арабо-византийского противостояния. Халиф даже согласился на уплату Византии ежегодной дани, состоявшей из 50 породистых лошадей и выплат золотом. Источники называют цифру выплат в «три тысячи золотых» (Феофан Исповедник) и «три тысячи золотых монет» (Константин Багрянородный), что, безусловно, крайне незначительная сумма для выплат между государствами. Это позволяет многим исследователям называть сумму дани символической. Однако обращает на себя внимание уточнение в латинском переводе текста хроники Феофана, в которой сказано, что речь идет о трех тысячах либр.

Предложенная поправка весьма вероятна – арабы понесли масштабнейшие поражения, были напуганы страшным действием ромейского супероружия, а византийцы грозили полномасштабным вторжением. В таком случае восприятие договора кардинально меняется – 3 тысячи литр золота составляют, если исходить из того, что одна литра содержала 72 золотых, 216 тысяч монет. Интересно в данном контексте также отметить, что в некоторых рукописях «Хронографии» Феофана упоминалось не о трех тысячах, а о 365 тысячах номисм дани, и именно эту сумму приводит в своем переводе хроники латинский историк и переводчик IX в. Анастасий Библиотекарь.

О том, насколько вырос в глазах соседних правителей упавший было авторитет Византии, свидетельствует Феофан, рассказывая о посольствах к молодому василевсу Константину IV Погонату (668–685 гг.): «Западные народы, и каган аварский, и тамошние цари ... прислали царю дары и просили о соблюдении к ним мирных расположений. Царь ... утвердил с ними владычный свой мир; и водворилось глубокое спокойствие и на востоке, и на западе».

Как видим, Византийская империя чрезвычайным напряжением сил смогла остановить вал арабского вторжения и отстоять свои малоазийские владения. Она стала неодолимой преградой, прервавшей бесконечный поток идущих с Востока арабов на самом кратком пути их проникновения в Европу – с юго-востока через Балканский полуостров. Византия стала тем покровом, который укрыл христианство от полного покорения искривленному мечу ислама. В знаменитом Житии Андрея Юродивого, относящемся к X в., содержится описание явления святому Андрею и его ученику Епифанию Пресвятой Богородицы. Согласно преданию, оно произошло во Влахернском храме во время молитвы горожан именно о спасении от нашествия арабов (сарацинов). Явившаяся благочестивым мужам Богородица, согласно тексту Жития, «...с прекрасным достоинством сняла с себя мафорий (омофор, покров), который носила на Своей беспорочной голове и который видом был как молния, и взяв его Своими пречистыми руками ... распростерла над всеми стоящими там людьми. И его в течение долгого времени видели дивные сии мужи распростертым над народом и излучающим славу Божию, словно янтарь». Не будет ли допустимым поэтическое сравнение Византии и ее «греческого огня», защитивших христианский мир от прямого вторжения ислама, с Богородицей и ее огненно-молниеподобным мафорием-покровом, которым Она укрыла от опасности христиан?

С преданием об этом явлении в христианских церквях восточного обряда связан праздник Покровы Пресвятой Богородицы, отмечаемый 14 октября. В украинской традиции к этому дню также традиционно приурочен День украинского казачества, заступницей-покровительницей которого считается Богородица. Яркими поэтическими строками передал впечатление от житийного рассказа о чудесном заступничестве Богоматери выдающийся украинский литературовед, выпускник Харьковского университета и большой почитатель Византии Александр Белецкий: «Помню сутолоку полуночи, / И Пречистой громадныя очи, / И над стадом дрожащих рабов / Распростертый ее покров!».

Конечно, божественное заступничество символично, но в спасении Византией самой себя и одновременно христианской Европы сыграли роль и гораздо более земные факторы, среди которых даже «греческий огонь» является далеко не главным. Сводить победы византийцев лишь к военно-техническим преимуществам не стоит. После понесенных поражений и под натиском внутренней борьбы арабы ослабили натиск на империю, а в самой империи произошло невиданное дотоле сплочение общества, позволившее сконцентрировать силы для отпора врагу.

Византия, ссохшаяся под арабским нашествием как сырая кожа под солнцем, задубела, окрепла и обрела прочное единство и общенародную

идею противостояния мусульманским завоевателям. Ромеи получили волю к сопротивлению врагу, который стремился лишить их того, что, в конечном счете, является гораздо более важным, чем имущество или даже жизнь – арабы, как полагали ромеи, желали лишить их идентичности. Самосознание же в представлении византийцев оказалось прочно связано не только с ортодоксальным христианством, но и с идеей имперской государственности.

Боязнь утраты государства, отождествлявшееся с потерей самости, была важным консолидирующим фактором, который оказался удачно дополнен военно-территориальной реформой по созданию административных округов – так называемых фем. Прообразами для них послужили возникшие еще при Юстиниане I Великом (527–565 гг.) Равеннский и Карфагенский экзархаты. Началась реформа еще при императоре Ираклии, который задумал поделить сельскую местность с живущим в ней населением на милитаризированные территориальные единицы. Это должно было решить проблему пополнения армии солдатами, набор которых производился в рамках этих округов.

Во главе фемы стоял стратиг, выполнявший функции своеобразного «генерал-губернатора», который совмещал в своих руках как военные, так и гражданские обязанности. Полномочия стратига были весьма широки – он отвечал за безопасность своего округа, организовывал набор и обучение рекрутов, руководил военными операциями, заботился о фортификационном строительстве и поддержании средств сообщения, полностью контролировал действия подчиненных ему местных гражданских властей. При этом действия стратига строго контролировались из Константинополя, куда он должен был отправлять донесения о своей деятельности. Чтобы стратиги не слишком привязывались к месту службы, обзаводясь крупной недвижимостью и укореняясь в среде местной знати, их раз в 4–5 лет переводили на новое место службы. Делалось это для того, чтобы вросший в свой округ военачальник не вынашивал идеи неповиновения центральной власти.

В подчинении стратигу находился штат военных и гражданских чиновников. Важнейшими из них были комит палатки (шатра) – начальник штаба – и турмархи, которые командовали отдельными частями – турмами. Комиты или друнгарии возглавляли тысячные отряды-друнги, делившиеся на ванды по 200 воинов каждая (150 пехотинцев и 50 кавалеристов). Во главе ванд стояли вандофоры. В целом военный корпус одной фемы насчитывал от одной до 4–5 тысяч воинов.

Солдаты фемы, именовавшиеся стратиотами, набирались из местных зажиточных крестьян, которые должны были явиться к месту воинского

сбора в полном вооружении – с собственным конем, военной амуницией и припасами. Хозяйство, способное выставить такого воина, оценивалось не менее чем в 4–5 литр золота (288–360 золотых номисм). В том случае, если домохозяйство не было способно выставить полноценно снаряженного воина, оно обязано было внести определенную сумму на сбор других воинов. По сути, 2–3 недостаточно зажиточных крестьянских хозяйства составляли одного воина вскладчину.

Созданная в VII–VIII вв. военно-административная фемная система оказалась весьма эффективной в плане организации армии и администрации, что позволило ей стать основой византийской государственности на следующие пятьсот лет. Она была весьма выгодной экономически, поскольку перекладывала военные расходы на местное население, и, в то же время, действенной и гибкой. Иногда стратиотов называют ополченцами, однако это не совсем верно, поскольку они проходили серьезную подготовку в военных лагерях и были, по сути, профессиональными воинами. Солдаты проходили военные сборы, постоянно тренировались, учились ратному делу, строю и, в отличие от ненадежных наемников-варваров, отличались высокой мотивированностью. При этом стратиоты действительно были территориально привязаны к определенной феме, и воевали одновременно не просто за некие абстрактные, непонятные и чуждые им интересы империи где-то в далеких неведомых краях, а на своей земле, за свои собственные деревни, дома и семьи.

За несение военной службы крестьяне-стратиоты получали в собственность или пользование земельные участки, которые разрешалось передавать по наследству при условии, что наследник также будет нести воинскую повинность. Такие участки назывались стратиями. Все собственники стратий заносились в специальные списки – каталоги. На долгое время именно стратиоты стали главной военной силой страны и именно им принадлежит честь отражения арабского нашествия. Волна арабского завоевания, сильная благодаря сплоченности мусульман на основе ислама и этнического родства, была остановлена плотной стеной православных христиан, вдохновленных патриотизмом и духом религиозного единства.

Первые фемы появились именно на пути вторжения арабов – в Малой Азии. Это были Анатолик («Восточная»), Арменияк (Армянская) и Опсикий. Важнейшей из них была самая большая территориально фема Анатолик, занимавшая центральное положение на малоазийском полуострове и перекрывавшая мусульманам путь в срединные земли империи. Не случайно ее стратиг занимал первое место среди всех стратигов и получал самое большое жалование. Ближайшим же военным округом к столице был Опсикий, название которого происходило от гвардейских войск, на-

ходившихся ранее в подчинении главного военного магистра в Константинополе. Они должны были сопровождать императора в качестве личной гвардии, откуда и происходит их латинское наименование *obsequium* («обслуга»).

По тому же образцу к концу VII – началу VIII вв. были организованы территории на северо-западе Малой Азии. На западном побережье была создана фема Фракийский, названная по имени корпуса фракийцев, пришедших из Европы. На Балканах появились фемы Фракия, Македония, Эллада (Центральная Греция), также образовалась Сицилия. Выделились специальные морские фемы, откуда набирали военных моряков. Они были созданы на островах Эгейского моря и на южном побережье Малой Азии – в Ликий, Писидий, Памфилий. Созданная здесь морская фема носила красноречивое название Карависиана – «Корабельная» (от греч. «каравиа» – «корбаль»). Крупнейшей военно-морской базой стал город-порт Атталия (совр. Анталия). Еще одной морской фемой была фема Кивирриотов, находившаяся на островах Ионического моря с центром на острове Корфу.

Как видим, в условиях арабской опасности Византия сумела быстро перестроиться, восстановить и сконцентрировать свои силы. И хотя ее территория сократилась почти вдвое и составляла к VIII в. около 500 тысяч квадратных километров, империя быстро научилась обходиться без утерянных окраинных восточных провинций. Став сильно милитаризованной по преимуществу сельской страной, Империя ромеев сохранила свои ядровые земли в Малой Азии и на Балканах. Опираясь на возросшее военное могущество и умело используя внутренние проблемы Халифата, империя начала переходить от отступления и глухой обороны к попыткам, пусть и не всегда удачным, контрударов. Активно использовались при этом агенты влияния, поддержка деньгами и оружием мятежников на территориях, контролировавшихся арабами. Император Юстиниан II Ринотмет (689–695/705–711 гг.) активно поддерживал в горах Ливана известных уже нам мардаитов.

Этот же василевс разорвал, казалось бы, идеально выгодный для империи мир с арабами, заключенный его отцом Константином IV, и выступил в поход против мусульман. С этой целью он собрал в Вифинии громадное войско из греков и переселенных сюда славян. По сведениям Феофана и патриарха Никифора, из одних лишь славян он собрал 30-тысячное войско, назвав его «отборным» и поставив во главе некоего Небула.

В 692 г. Юстиниан II выдвинул собранные войска в поход и подошел к малоазийскому городу Севастополю (современный Сулу-Сарай (Чифтлик)). Арабы, также выступив в поход, подошли туда же, «заявляя, – как

свидетельствует патриарх Никифор, – что они сохраняют мир нерушимым, а если ромеи хотят нарушить мир, Бог осудит виновных». Действительно, тогдашний халиф Абд аль-Малик был крайне заинтересован в мире с Византией, поскольку Халифат Омейядов переживал очередное обострение внутренних смут. Арабы вышли на бой, «подвесив письменную запись о мире к высокому знамени».

Впрочем, помимо обращенных к василевсу увещаний, мусульманский правитель предпринял и более действенные практические шаги – подкупил вождя славян. Феофан упоминает, что один из арабских полководцев Мухаммед послал Небулу «колчан, полный номисм, и, обманув всяческими обещаниями», склонил предать императора. Поэтому, когда завязалось сражение, «отборное войско» славян перешло на сторону арабов, а византийцы, не осмелившись вступить в бой после измены значительной части совместных сил, обратились в бегство. В отместку Юстиниан II «перебил их (славян) остатки вместе с женами и детьми у так называемой Левкаты, в месте обрывистом, прибрежном, расположенном на Никомидийском заливе». Месть лишь еще сильнее настроила славян против византийцев. Впоследствии славяне принимали участие в набегах мусульман на Византию в качестве проводников.

Безрассудная политика Юстиниана II дорого стоила и империи, и ему самому – в 695 г. он был свергнут, искалечен (ему отрезали нос – отсюда и его прозвание Ринотмет (Безносый)) и отправлен в ссылку в Херсонес, бывший для ромеев чем-то вроде Магадана в нашем восприятии. Обладавший неумеренной энергией и крайне мстительным характером, в 705 г. он умудрился вернуть себе престол, что было небывалым случаем в истории Византии, поскольку физические увечья обычно не позволяли стать императором. Своим противникам василевс жестоко отомстил, но вскоре был наказан за это самим провидением – в 707 г. мусульмане взяли Мопсуэстию и Тиану Каппадокийскую, уничтожив отряды, высланные императором на подмогу крепости. В 708 г. арабы бесчинствовали в районе Хрисополя на Мраморном море, а в 709 г. Маслама совершил неслыханное – перейдя с 80-тысячным войском через Дарданеллы разорил часть Фракии.

Военные успехи убеждали арабов в возможности повторения похода на Константинополь. Этой уверенности способствовала и чехарда императоров на византийском престоле – после свержения в 711 г. Юстиниана II на нем успели побывать Вардан Филиппик (711–713 гг.), Анастасий II (713–716 гг.) и Феодосий III (715–717 гг.). Пользуясь сумятицей в стране, мусульмане стали готовиться к новому решительному походу. Они рассчитывали воспользоваться бунтом Льва Исавра, стратига самой мощной восточной фемы – Анатолик. В 717 г. он вззошел на трон и основал новую династию –

Исаврийскую. Именно ему пришлось отразить последнюю грандиозную попытку арабов взять Константинополь.

Подготовка к вторжению началась еще в 715 г. во время правления императора Анастасия II (713–716 гг.), когда Сулейман приступил к планированию масштабной операции, чтобы одновременным ударом с моря и с суши покончить с Византией. Узнав о приготовлениях арабов, император отправил к ним епарха города Константинополя патрикия Даниила якобы с целью проведения переговоров о мире, а на самом деле чтобы разведать, как протекают их приготовления. Даниил сообщил, что «для нападения на ромейское государство у этого племени имеется большое число войск, конницы и флота». Анастасий II начал подготовку к осаде. По свидетельству патриарха Никифора, василевс «заботливо обновил стены города и приготовил военные машины, а также снабдил город большим числом припасов и другим, что требуется на случай вражеского нападения». Он повелел, «чтобы каждый, кто сможет заготовить припасов, которых ему хватит на три года, оставался; тот же, кто не будет их иметь, пусть удалится куда хочет».

Одновременно император предпринял попытку организации превентивного контрудара. Летом 715 г. он отправил против арабов быстроходный флот с десантом на борту во главе с диаконом великой церкви и счетчиком казенных податей (логофетом геникона) Иоанном. Задачей византийского войска было расстроить подготовку мусульман к вторжению, они должны были сжечь недостроенный арабский флот прямо на верфях и захватить либо уничтожить собранные в портах военное снаряжение и продовольственные припасы. Впрочем, эта экспедиция закончилась неудачей – во время стоянки на о. Родос взбунтовавшиеся солдаты фемы Опсикий убили Иоанна и провозгласили императором некоего Феодосия, «сборщика казенных налогов, человека беспечного и простолюдина». Феодосий пытался скрыться от столь высокой, но смертельно опасной доли бунтовщика и сбежать в горы, однако его изловили и «принудили к царствованию».

Пойдя на Константинополь бунтовщики захватили город, низвергли императора Анастасия II и усадили на престол Феодосия III, который и сам вскоре пал вследствие мятежа, возглавленного Львом Исавром. Патриарх Никифор писал, что Феодосий III уступил престол добровольно, поддавшись на просьбы подданных, уstraшенных известиями о готовом к вторжению арабском войске и понимавших, что нынешний василевс военачальником не является и организовать оборону неспособен. Даже если это и не вполне соответствует действительности, следует признать, что приход ко власти Льва III Исавра (717–741 гг.) накануне осады оказался весьма удачным – во главе империи встал имеющий боевой и диплома-

тический опыт один из самых талантливых византийских полководцев за всю историю империи. Еще не став императором, он вступил в вынужденные переговоры с Сулейманом и тянул время, взойдя же на престол 25 марта 717 г. активно продолжил начатые Анастасием II приготовления к обороне. Маслама угрожал Льву, заявляя: «Славную твою Софию, дом поклонения твоего, сделаю баней для войска моего, и древо креста, которому ты поклоняешься, разобью о голову твою». Василевс «не сробел, а послал ему ответ в твердых выражениях».

Приготовления императора Льва III оказались недолгими – захватив по дороге Пергам уже в середине июля 717 г. мусульманские войска числом до 120 тысяч под предводительством Масламы перешли Геллеспонт и к середине августа приступили к осаде Константинополя. 1 сентября к сухопутному контингенту присоединился колоссальный по своему количеству – около 1800 кораблей – флот под командованием Сулеймана, который блокировал все морские подступы к столице, заняв все пространство от Магнавры до Кикловия. Василевс предпринял несколько удачных морских вылазок, сжигая вражеские суда «греческим огнем».

Поскольку взять город сходу оказалось невозможным, мусульманские войска приступили к планомерной осаде, обнеся свой лагерь рвом и земляным валом, поверх которого была сооружена каменная крепида. Началась вторая осада арабами Константинополя, одна из самых грандиозных осад в истории Византии. Ромеи во главе с энергичным василевсом отчаянно сопротивлялись врагу почти год. Попытка штурма окончилась для арабов неудачей. Крепкие стены столицы, мужество и воинское искусство и на сей раз спасли ромеев. В Константинополе постепенно скопилось так много пленных мусульман, что по просьбе Масламы для них даже была открыта мечеть при тюрьме претория.

Тем временем на помощь ромеям пришла необычайно суровая зима, бывшая особенно губительной для теплолюбивых и, к тому же, обосновавшихся лагерем в чистом поле арабов. Патриарх Никифор свидетельствует в своей Краткой истории: «Между тем случилась суровая зима, так что в течение ста дней земли не было видно из-за массы выпавшего снега; вследствие этого немалое количество людей, коней, верблюдов и прочих животных пало». К уничтожавшему арабов морозу присоединился голод, которого не чувствовали в подготовившемся к осаде Константинополе, имеющем, к тому же, возможность пополнять запасы путем рыбной ловли «при островах и при морских стенах» и безопасного сухопутного сообщения. В арабском же лагере, по свидетельству Феофана, свирепствовал страшный голод: «Они пожирали всякую падаль, и лошадей, и ослов, и верблюдов. Говорят даже, что они ели трупы людей и свой собственный

помет в горшках, мешая его с закваской». Отряды Масламы, отправлявшиеся добывать провиант во Фракию, уничтожали болгары, бывшие союзниками византийцев.

Положение осаждавших должны были спасти прибывшие им на помощь весной флоты из египетской Александрии в 400 судов и Африки в 360 кораблей, доставившие в значительных количествах продовольствие и оружие. Однако они, не решившись подойти к Константинополю из-за опасения быть уничтоженными огненосными судами, по большей части высадились на побережье Вифинии, а частично, видимо, были сожжены ромеями. Феофан сообщал: «Нападение сопровождалось полным успехом: одни корабли сделались жертвой пламени, другие посажены на мель, иные захвачены в плен. Взяв добычу и запасы наши с радостью возвратились». Наконец, часть моряков-христиан из присланного египетского флота изменила арабам и перешла на сторону византийцев вместе с кораблями. Одновременно понесли существенный урон от партизанских ударов византийской кавалерии и были остановлены в районе Никеи подкрепления, шедшие по суше. Положение осаждавших, которых косила чума, становилось безвыходным.

В итоге 15 августа 718 г. мусульмане были вынуждены снять осаду Константинополя. Византийцы практически дотла сожгли их отступавший флот, а страшная буря в Эгейском море довершила начатое ромеями. В итоге домой вернулось всего 5 кораблей из более чем двух с половиной тысяч, и менее 30 тысяч воинов из почти 200-тысячного войска. Потери оказались столь значительными, что надолго отбили у мусульман желание связываться с Византией. Частично восполнить их арабам удалось лишь к 726 г., когда их отряды дошли до Никеи, но вскоре были вынуждены отступить. Большая же армия для крупного вторжения была собрана лишь к 739 г. Впрочем, несмотря на некоторые успехи в начале похода, арабским войскам не удалось продвинуться вглубь Византии. В 740 г. 20-ти тысячная армия ат-Баттала была разгромлена у местечка Акроинон в Малой Азии византийским войском под командованием василевса Льва III и его сына Константина V. Поражение арабов было страшным, бегством смогли спастись менее семи тысяч человек.

Разгром мусульман византийцами в середине VIII в. стал переломным в истории Византии, которая не только сдержала натиск, но и постепенно, пусть с переменным успехом, но начала отвоевывать завоеванные арабами территории. Это был также важнейший поворотный момент в истории Европы и всего мира, более значимый по своему значению, чем знаменитая битва при Пуатье. Византийцы спасли не только себя, но и прикрыли покровом своей цивилизации те полудикие еще варварские королевства

германцев, которые лишь формировались в Европе и из которых должны были вырасти современные европейские народы. По большому счету, они спасли таким образом и христианство как таковое.

Один из всемирно знаменитых писателей, пишущих в жанре псевдо-исторического фэнтези, Гарри Тартлдав (между прочим – профессиональный византинист), в одном из своих рассказов под названием «Острова в море» предположил, что великий восточный бастион европейской цивилизации – Константинополь – был все же взят в 718 г. арабами. Описанная им альтернативная история повествует о неминуемом затем обращении в ислам болгар, которое автор относит к 769 г. от Рождества Христова, или, скорее, 152 г. хиджры, ведь именно такое летоисчисление было бы более привычным нам, проиграв тогда византийцы цивилизационное противостояние.

В рассказе описано соперничество мусульманской делегации, прибывшей из завоеванного полвека назад Константинополя, и христианской делегации из Рима, каждая из которых пытается обратить болгарского хана Телерига в свою веру. В итоге никакие аргументы христианской делегации оказываются неспособны убедить хана, чьи южные границы находятся под постоянной угрозой мусульманского вторжения. Показателен ответ хана посланникам римского папы: «Я не мог избрать вашей веры – с теми небесами, о каких вы рассказывали, и с войском халифа у моих южных границ. Быть может, если бы не давнее падение Константинополя, мой народ стал бы христианским. Кто знает? Но в мире, каков он теперь, мы должны быть и будем мусульманами».

Сюжет рассказа вызывает в памяти знаменитую легенду о выборе веры киевским князем Владимиром Святославичем. Стоит ли сомневаться, какую религию избрал бы в итоге князь Владимир, чтобы обратиться в нее Русь, если бы Константинополь, притягивавший его своей пышностью и богатством, в течение уже более чем двух с половиной веков до его княжения был бы мусульманским?

Христианству в мире победившего ислама была бы предначертана участь островов в море, которые рано или поздно были бы затоплены океаном религии пророка Мухаммеда. Гарри Тартлдав вложил эту мысль в сознание главного героя своего рассказа – главы арабского посольства Джедал ад-Дина ас-Стамбули: «Никита поймал взгляд Джедала ад-Дина. Араб едва заметно кивнул своему поверженному врагу. Они оба понимали, лучше кого-либо еще в этом зале, что значимость сделанного здесь выбора отнюдь не ограничивалась одной только Болгарией. Теперь ислам будет распространяться и распространяться, а христианский мир – по-прежнему уменьшаться в размерах. Джедал ад-Дин слышал, что в Эфиопии, далеко

к югу от Египта, все еще правят христиане. И что же? Эфиопия находилась так далеко от эпицентра событий, что не могла повлиять ни на что. И та же судьба теперь ожидала христианские страны, изолированные на дальнем северо-западе мира. Пусть они будут островами в мусульманском море, подумал он, если этого требует их упрямство. В один прекрасный день, инша, это море покроет каждый остров, и в самом Риме будут читать Коран».

ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам.* Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и прим. С. Б. Певзнера. – М., 1985.
- Банников А. В., Морозов М. А.* Византийская армия (IV–XII вв.). – СПб., 2013.
- Бардола К. Ю.* «Принцип взаимности» в истории внешнеэкономических отношений Византии и арабов в VII–VIII вв. // На честь заслуженого діяча науки України А. П. Ковалівського. 1895–1969 рр. Тези міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження. – Харків, 1995. – С. 55–57.
- Бардола К. Ю.* О византийской экономической политике и экспансии арабов VII в. // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 144–150.
- Бардола К. Ю.* О налоговой политике арабов в VII–VIII вв. в завоеванных византийских провинциях // Вісник ХНУ. – 2001. – № 526: Історія. – Вип. 33. – С. 45–52.
- Бардола К. Ю.* Об этапах налоговой политики арабов в VII–VIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины: материалы международной научн. конф. (Харьков, 16–18 мая 2001 г.). – Харьков, 2001. – С. 85–86.
- Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. – 2-е изд. – М., 1966.
- Болотов В.* К истории императора Ираклия // ВВ. – 1907. – Т. 14. – С. 68–124.
- Большаков О. Г.* Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб., 1999. – С. 354–379.
- Большаков О. Г.* История Халифата. – Т. 1. Ислам в Аравии (570–633). – М., 2000.
- Большаков О. Г.* История Халифата. – Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656). – М., 2000.
- Большаков О. Г.* История Халифата. – Т. 3. Между двух гражданских войн (656–696). – М., 1998.
- Большаков О. Г.* История Халифата. – Т. 4. Апогей и падение арабского Халифата (695–750). – М., 2010.
- Васильев А. А.* Византия и арабы. – Ч. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. – СПб., 1900.
- Васильев А. А.* Византия и арабы. – Ч. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин VII Багрянородный (867–959). – СПб., 1902.
- Винкельман Ф.* Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 75–87.

- Винкельман Ф. Некоторые замечания к оценке о роли монофиситства в послеокиановскую эпоху // ВВ. – 1978. – Т. 39. – С. 86–92.
- Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.
- Гусейнов Р. А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 143–150.
- Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1996.
- Домановський А. Н. Византийская «торговля с врагом» в VIII–X вв.: государственный контроль за внешнеторговыми сношениями сквозь призму «трапезунтского инцидента» // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). – Харьков, 2010. – С. 84–85.
- Домановський А. М. Ціна «великої тиші» – 3000 номісмі чи лібри? Про суму данини халіфа Муавіі (661–680) василевсу Константину IV (668–685) // XIX Сходознавчі читання А. Кримського «До 120-річчя від дня народження А. П. Ковалівського». Тези доповідей міжнародної наукової конференції (м. Київ, 16–17 жовтня 2015 р.). – К., 2015. – С. 7–8.
- Заходер Б. Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). – М., 1944.
- История ат-Табари: Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева. – Ташкент, 1987.
- История халифов анонимного автора XI в. / Изд. П. А. Грязневичем. – М., 1967.
- Колесников А. И. Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) // ПС. – Л., 1970. – Вып. 22 (85).
- Колесников И. А. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). – М., 1982.
- Кривов М. В. Византия и арабы. – СПб., 2002.
- Кривов М. В. Некоторые вопросы арабского завоевания Сирии и Палестины // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 88–99.
- Кривов М. В. Откровение Псевдо-Мефодия Патарского как отражение народных взглядов на арабское нашествие // ВВ. – 1983. – Т. 44. – С. 218–221.
- Кривов М. В. Сражение при Муте по арабским источникам и Феофану // ВВ. – 1979. – Т. 40. – С. 96–103.
- Кривов М. В. Феофан и Никифор о начале арабских завоеваний // ВВ. – 1982. – Т. 43. – С. 218–225.
- Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. – СПб., 2001.
- Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / В пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, с предисл. О. М. Боданского. – М., 1884.
- Лозовик Г. Н. Нове дослідження арабо-візантійських взаємин VII–X вв. // Східний світ. – 1930. – № 2. – С. 237–244.
- Медников Н. А. Палестина от завоевания арабами до крестовых походов по арабским источникам. – СПб., 1897–1903. – Т. 1–4.
- Наим Исса Фарах. Морские отношения арабов и Византии в VII – первой половине VIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1971.

- Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. – М., 1981.
- Никифора патриарха константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия / Пер. Е. Э. Липшиц // ВВ. – 1950. – Т. 3. – С. 349–387.
- Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. – М.; Л., 1964.
- Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. – М.; Л., 1946.
- Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. – СПб., 2000. – С. 32–179.
- Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. – М., 1985.
- Сериков Н. И. Византия и арабы: новые исследования // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 178–184.
- Табари. [Избранные отрывки] / Пер. А. А. Васильева // Васильев А. А. Византия и арабы. – Ч. 2. Приложения. – СПб., 1900. – С. 12–63.
- Тер-Гевондян А. Н. Армения и арабский Халифат. – Ереван, 1977.
- Фильштинский И. М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). – М., 1999.
- Хэлдон Джон. История византийских войн / Пер. с англ. – М., 2007.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). – М., 1980.
- Чураков М. Завоевание Северной Африки арабами // ПС. – 1958. – Т. 3 (66). – С. 107–126.
- Шагинян А. К. Армения накануне арабского завоевания. – СПб., 2003.
- Шагинян А. К. Закавказье в составе арабского халифата. – СПб., 1998.
- Шиканов В. Н. Византия – щит Европы. Арабо-византийские войны VII–XI вв. – СПб., 2004.
- Шумовский Т. А. Арабское мореплавание // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. – М., 1982. – С. 357–411.
- Шумовский Т. А. Арабское мореплавание в пору ислама // Страны и народы Востока. – 1964. – Вып. 3. – С. 142–163.
- Шумовский Т. А. Арабы и море. По страницам рукописей и книг. – М., 1964.
- Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe–XVe siècles. – Paris, 1966.
- Cecota Błażej. Arabskie oblężenie Konstantynopola w VII–VIII wieku. Rzeczywistość i mit. – Łódź, 2015. (Seria: Byzantina Lodziensia XXI).
- Eickoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). – Berlin, 1966.
- Gibb H. A. R. Arab-Byzantine Relations under the Umayyad Caliphate // DOP. – 1958. – Vol. 12. – P. 219–233.
- Haldon J. F., Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // ЗРВИ. – 1980. – Кн. 19. – P. 79–116.
- Kaegi W. E. Jr. The Frontier: Barrier or a Bridge? // The 17th International Byz. Congress. Major Papers. – New York, 1986. – P. 79–303.

- Kyrris C. P.* The Nature of the Arab-Byzantine Relations in Cyprus from the Middle of the 7th to the 10th Century A. D. // *Graeco-Arabica*. First International Congress on Greek and Arabic Studies. – Vol. 3. – Athenes, 1984. – P. 149–175.
- Lilie R.-J.* Die byzantinische Reaktion auf die Ausbreitung der Araber. Studien zur Strukturwandlung des byzantinischen Staates im 7. und 8. Jhd. – München, 1976.
- Madeyska Danuta.* Wojny arabsko-bizantyńskie // *Przegląd Orientalistyczny*. – 1977. – № 3. – S. 187–200.
- Shahid I.* Rome and the Arabs: A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. – Washington, 1984.
- Shahid I.* The Iranian Factor in Byzantium during the Reign of Heraclius // *DOP*. – 1972. – Vol. 26. – P. 293–320.
- Shboul A. M. H.* Arab Attitudes Towards Byzantium. Official, Learned, Popular // *Kathegetria: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday*. – Camberley, 1988. – P. 111–128.
- Treadgold W. T.* Byzantium and its army 284–1081. – Stanford, 1995.